

ЦВЕТ ГРЕХА АЛЫЙ

АЛЕКСАНДРА САЛИЕВА

Александра Салиева

Цвет греха: АЛЫЙ

Текст предоставлен правообладателем
2022

Аннотация

Он – заклятый враг моего отца. Циничный. Опасный. Безжалостный. Когда мы встретились впервые, я понятия не имела, кто он такой. Я спасла его жизнь. А взамен... он поставил меня на колени.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	33
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	73
Глава 7	90
Глава 8	102
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Александра Салиева

Цвет греха: АЛЫЙ

Глава 1

Эва

Случалось ли вам совершать нелепые поступки, о которых потом горько сожалеешь ещё очень и очень долгое время?

Сегодня у меня как раз такой день.

Город не успевает полностью проснуться, но солнце согревает округу первыми лучами. Опустив боковое стекло, я подставляю ладонь встречному ветру и наслаждаюсь ощущением прохлады, пока стальной Chevrolet Corvette под моим управлением сворачивает из одного переулка в другой. Путь выдаётся долгим, и я немного устаю, хотя на губах сохраняется счастливая улыбка, ведь я рада, наконец, вернуться в родные края.

– Позвонить папе, – обращаюсь к прикреплённому на панели гаджету.

Аппарат послушно выполняет сказанное, а череда нескольких гудков сменяется на приветливое, чуть хриплое по громкой связи:

– Доброе утро, ангел мой. Ты уже доехала?

В окружении его голоса отчётливо слышится грохот работающей техники и чьи-то выкрики.

– Да, почти, – отзываюсь с улыбкой. – А ты... на работе? В такое время? – удивляюсь, различив сопутствующий нашему разговору фон, и тут же сворачиваю в обозначенном направлении.

До доков отсюда не так уж и далеко.

– Возникли некоторые проблемы, – вздыхает папа. – Пришлось срочно решать.

– Что-то серьёзное?

– Нет-нет, ничего из того, что невозможно уладить. Просто пришлось приехать пораньше, – заверяет родитель.

Снова улыбаюсь.

– Я как раз неподалёку. Заеду к тебе в офис. Позавтракаем вместе, отметим мой диплом, только ты и я, – предлагаю следом.

Недолгая пауза разбавляется новым грохотом крана.

– Нет, в офис сейчас не приезжай, – спешно отказывается папа. – У меня встреча с моим партнёром. Как освобожусь, сам к тебе приеду. Ты лучше езжай сразу домой. Мария испекла твой любимый яблочный пирог, – добавляет коварно.

Мария – наша экономка. Когда я была маленькой, она всегда заботилась обо мне, как о родной дочери. Отец растил меня один, нанял целый штат нянек, ввиду своей постоянной занятости, но именно Мария – та, кто читала сказки, укрыва-

ла одеялом и вместе со мной ползала под кровать, чтобы удостовериться в отсутствии “жутких монстров, которые приходят по ночам за маленькими девочками”.

– Почему? – стою на своём, хотя Марию тоже очень хочется увидеть. – Ну, папочка, мы с тобой почти два года вживую не виделись. Я тебя только один разочек обниму, а потом обещаю, буду сидеть тихо-тихо, как мышка, и не мешать, – заверяю жалостливо.

В ответ слышится тоскливый вздох.

– Я тоже очень соскучился по тебе, ангел мой. Но говорю же, сейчас нельзя. У меня важная встреча с партнёром, – проговаривает с сожалением.

– Что это за загадочный партнёр такой у тебя, что нельзя на него посмотреть? Хотя бы издалека, – дразню его. – Или опасаясь, что я ему выложу все твои страшные тайны, и он откажется с тобой сотрудничать? – хмыкаю задорно, наряду с шутливым тоном, скрывая за ним своё разочарование.

Всё-таки и правда ведь давно не видел в настоящем, только по видеосвязи. Последние годы обучения в университете дались со сложностями, и я почти всё своё время посвящала тому, что получить свой заветный многострадальный диплом.

– Ага, не дай бог он узнает, что по утрам я путаю свои носки и надеваю разные! – поддерживает шутку папа, хотя совсем не смягчается по поводу предложенного мной.

– Ладно носки, он ещё твою пижаму с фиолетовыми сло-

никами не видел! – хихикаю в ответ.

Ещё один, особенно громкий грохот крана, перекрывает отцовский смех. А я слишком увлекаюсь телефонным разговором, лишь в последние секунды замечаю несущийся на полном ходу с зоны подземной парковки тонированный внедорожник. Тот, кто за рулём, тоже по какой-то причине меня не замечает.

Хорошо, скорость не настолько большая, чтоб совсем плохо!

Педаля тормоза я вжимаю в пол. Визг шин режет по ушам.

Удар.

Ощутимый.

Глухой.

Меня швыряет вперёд, но сработавший ремень безопасности вдавливают обратно спиной в сиденье.

– Вот же... – ругаюсь сквозь зубы.

– Эва? – доносится из трубки взволнованный голос родителя.

Сердце колотится, как заполошное, хотя я стараюсь дышать глубже и не поддаваться одолевающей разум панике. Машину жаль, мне её папа на совершеннолетие подарил, и едва ли он обрадуется тому, что я испортила столь ценное имущество по своей глупости и неосмотрительности.

– Эва? Ты куда пропала?!

Вдох. Выдох.

Признаваться прямо сейчас...

Да ну на!

– Пап, я тебе перезвоню, – уклоняюсь от прямого ответа.

– Что случилось, Эва? – не сдаётся он.

Обречённо вздыхаю.

Если немного подумать, не так уж всё и ужасно. Подушки безопасности, например, не сработали, а значит, возможные повреждения не столь уж и велики, – исправимо.

– Ничего, просто отвлеклась, – проговариваю максимально бодро, начиная задумываться о том, каким именно образом преподнести ему правду немного позже. – Я еду домой. Ты поскорее решай дела со своим партнёром. Буду ждать тебя дома. Целую. Пока! – трусливо отключаю вызов, только потом отстёгиваю ремень безопасности и выбираюсь из машины.

Столкновение, правда, не такое уж и катастрофическое, как я считаю поначалу: небольшая трещина на переднем бампере, даже фара остаётся целой. У другого участника дорожно-транспортного происшествия и вовсе пара-другая царапин, которые легко устраняются без особых усилий и технического оснащения. Однако автомобиль, как застыл, так и не двигается с места. Водитель тоже не выходит. Стёкла наглухо тонированы по кругу, поэтому не удаётся различить, что происходит внутри.

Заново вдыхаю и выдыхаю, набираюсь храбрости, решительно обхожу обе машины. Замираю лишь на мгновение, схватившись за дверную ручку чужого транспортного сред-

ства.

Нехорошо вот так нагло вторгаться. Но должна же я удостовериться, что с другим пострадавшим всё в порядке? Очень странно, что до сих пор не вышел и не начал вопить что-нибудь в духе: “Куда ты едешь, дура безголовая?”. По обыкновению, именно так и бывает. Если это, конечно, вообще мужчина, а не женщина.

– Эй, вы там в порядке? – интересуюсь, дёргая за ручку с водительской стороны.

Короткий щелчок, дверца открыта, а мне требуется совсем немного времени, чтобы оценить всё то, что представляется обзору.

Нет, не женщина.

Действительно мужчина.

Широкие плечи обтянуты тёмным пиджаком. Галстук ослаблен, хотя развязан не полностью, а рубашка расстёгнута на пару верхних пуговиц. Когда-то безукоризненно белая, однако теперь испорчена расплывающимся багровым пятном.

Кровь...

Как же много крови!

Его дыхание – рваное, тяжёлое. Между густых тёмных бровей залегает хмурая складка. Глаза закрыты. Ресницы изредка подрагивают. На лбу проступают крупные капли пота.

Это я его так?!

Новый приступ паники захлёстывает, подобно цунами.

Всего на секунду.

Да нет, быть не может, ведь авария незначительна, всего лишь лёгкое столкновение! И нет никаких признаков того, что рана появилась вследствие одного, а значит...

– Эй, что с вами? – тянусь к его плечу.

Касаюсь медленно, осторожно, словно к бомбе, которая вот-вот рванёт, если неправильно приступить к разминированию. Реакция следует моментально. Брюнет вздрагивает. В этот же миг чужие пальцы смыкаются на моём запястье. Вопреки видимой беспомощности незнакомца – властно, уверенно, безоговорочно крепко. Не давят. Жест выглядит, скорее, как предупреждение, нежели реальная угроза. То же самое читается в бездонной синеве устремлённого на меня взора.

Открыл глаза – уже хорошо!

Наверное...

– Произошла авария. Вы выезжали с парковки, и я вас не заметила. Мы столкнулись, – поясняю миролюбиво, пристальнее рассматривая незнакомца.

Ему примерно за тридцать. Возможно, он выглядел бы моложе, если бы не тёмная щетина и суровость, пронзающая правильные черты лица. Привлекательный. Тем самым опасным видом притягательности, что тянет, как магнит, на каком-то заложенном природой инстинктивном уровне.

– Как тебя зовут? – вдруг интересуется он, отпуская моё запястье, игнорируя сказанное об аварии.

Взгляд – непримиримый, как темнота. Мужчина больше не прикасается. Но каждое его слово опутывает невидимыми сетями, обволакивает за горло, почти душит. Иначе почему мне вдруг становится так сложно дышать?

– Эва, – не сразу, но отзываюсь на его вопрос.

Вообще-то Эвелин, если уж на самом деле. В честь бабушки. Но вряд ли ему нужны такие подробности моей жизни. И только после того, как произношу сокращённую версию своего имени вслух, задумываюсь о том, стоило ли выдавать ему столь правдивую информацию в принципе. Особенно, если учесть дальнейшее:

– А меня... – хрипло выдаёт он, закашливается, – подстрелили, – звучит после паузы, вместо ожидаемого имени.

Не настаиваю. На этот раз торможу тоже недолго.

– Вам нужно в больницу! – реагирую. – Я вызову скорую! – разворачиваюсь к своей машине, где оставлен телефон.

Ни на шаг отойти не успеваю. Запястье вновь перехвачено.

– Нет. Не... Кхм... – снова закашливается мужчина, – не надо в больницу, – выдавливая из себя вместе с не проходящим кашлем.

Кашель – надсадный и пугающий. Но сам кашель – это ещё ничего. А вот появившаяся вместе с ним на зубах и губах незнакомца кровь выглядит действительно жутко.

– Но у вас... – возражаю.

Тщетно. Сильные пальцы на моём запястье смыкаются крепче. Незнакомец тянет меня на себя, а последующее проговаривает шёпотом, практически беззвучно:

– Никакой больницы, я сказал. Нельзя. Лучше отвези меня к центральному вокзалу, – тихие слова сопровождает новый приступ удушливого кашля с кровью.

Воображение мигом рисует эпизод из криминальной драмы, периода почему-то двадцатых годов, где я нахожусь посреди тёмного пустого переулка, поздней ночью, вся такая хрупкая, одинокая и наивная, натыкаюсь на смертельно раненого главу преступного синдиката. Сам мафиози – на последнем издыхании, однако законным способом спасти его не получится, и вообще полиция, а также другие бандюги, у нас на хвосте. Итогом становится мой нервный смешок уже наяву. А ещё мысль о том, что добром подобное в любом случае не заканчивается, несмотря на то, что мы давно не в двадцатых, да и меня саму наивной, милой и беззащитной не назвать.

По-хорошему, реально вызвать бы скорую, заодно и полицейских, пусть сами со всей этой мутью разбираются, но, похоже, мой положительный ответ кое-кому вовсе не требуется. Брюнет самостоятельно выбирается из машины. Не менее самостоятельно принимает решение, что я могу послужить ему не только перевозчиком, но ещё и опорой. Как только перестаёт держаться за дверцу, вес чуть ли не в центнер переносится на моё плечо, отчего меня саму пошатывает. Хо-

рошо, на ногах я держусь всё-таки покрепче, нежели незнакомец в одиночку.

Далее приходится совсем несладко и нелегко. Но в скором времени в салоне Chevrolet Corvette прибавляется раненый пассажир, а я сама сдаю немного назад, потом объезжаю чужой внедорожник и выруливаю из переулка. Оправдываю себя тем, что скорая всё равно будет ехать долго, а мужчине реально плохо. Неспроста он отключается, и двух минут не проходит, наряду с тем, как багровое пятно на его рубашке становится всё больше и больше.

– Ну, и какой тебе центральный вокзал? – протягиваю уныло, взглянув на пребывающего в несознанке. – Что я там с тобой делать буду? На экспресс до аэропорта посажу? – задаюсь очередным риторическим вопросом, на который не получу ответ.

Мало верю в то, будто в ближайшее время он придёт в себя: хоть на вокзал, как попросил, езжай, хоть в больницу. В пользу последнего я и делаю выбор. Тем более, на протяжении всей нашей поездки, если у него и имеется средство связи, которое поможет связаться с кем-либо в целях получения дальнейшей помощи, то ничего такого я не замечаю. Ни одного звонка. Ни одного сигнала сообщения. То есть, никто его не потерял. Никто о нём не вспомнил. Сама намеренно не обыскиваю. Искать встречи с новыми сомнительными личностями желанием не горю. А пока еду, вспоминаю о полиции. Медики обязаны сообщать властям о каждом трав-

матическом случае, так что появление этих господ не заставит себя ждать, как только доставлю мужчину до приёмного пункта.

Вдруг он реально в какие-нибудь криминальные дела впутан? И я себя на то же самое подписываю, помогая ему.

Хотя беглый просмотр сегодняшних новостей в сети, пока я жду очередной разрешительный сигнал светофора, ни о чём таком не вещает. Тишина. Все местные страницы просматриваю несколько раз, дабы убедиться наверняка. Как правило, они скоры на руку и язык в таких событиях.

Но нет.

Не в этот раз.

Или же я себе слишком много всего надумываю, а этот брюнет...

Что?

Что с ним произошло?

И почему я, невзирая на весь здравый смысл, остановив свой автомобиль перед медицинским центром, не тороплюсь выходить из машины и избавляться от проблемы? Малодушно рассматриваю хмурые черты мужского лица, прислушиваюсь к дыханию, нервно кусаю губы, сомневаюсь... Снова. Снова. И снова.

Вот такой вот нездоровый диссонанс в моей голове.

«Никакой больницы, я сказал. Нельзя», – звучит на повторе в памяти пробирающим до глубины души голосом незнакомца, запуская в разум въедливый червячок нерешитель-

ности.

Несуразный порыв.

Однозначно!

О котором я ещё совершенно точно пожалею.

Однако...

Заново возвращаю внимание к своему телефону.

Нужный номер нахожу быстро...

– Имаи-сан, – выдыхаю в трубку, спустя несколько гудков, испытывая неловкость за собственный поступок.

Не столько перед самим хирургом, сколько за то, во что это может вылиться. Пусть этот почтенный возрастом доктор и латает подчиненных моего отца, дабы избежать огласки в некоторых производственных случаях, а я знакома с ним с малолетства, однажды он и мне самой накладывал швы, когда я неудачно упала с велосипеда, но с чем-либо подобным обращаюсь к нему впервые.

– Прошу прощения за беспокойство, у вас есть для меня время? Очень нужна ваша помощь. Вопрос жизни, – добавляю торопливо, пока он не пустился во встречные вопросы.

На секунду кажется, будто бы никакого времени у него не найдётся. Всё-таки график у Имаи-сана всегда плотный.

Но нет.

И в этот раз нет.

– Хм... – задумчиво откликается он. – Если дело срочное, приезжай, дочка. Давно не виделись. Не знал, что ты вернулась домой. Большая, наверное, выросла.

По голосу чувствую – улыбается.

И я тоже невольно улыбаюсь ему в ответ.

– Скоро буду!

И да, разворачиваюсь прочь от больницы...

Глава 2

Эва

После утреннего происшествия, спустя пару часов блуждания по центральному бульвару, начинаю потихоньку сходиться с ума.

Не слишком ли долго я металась с тем, чтобы определиться? Если незнакомцу уже не помочь? Он ведь так и не очнулся. Если я слишком поздно его привезла? Может быть стоило поехать сразу, а не тратить время на поездку до больницы, в которую мужчина так и не попал? А если всё-таки медицинский центр с цивилизованным отделением реанимации и целым штатом специалистов, это куда лучший вариант для сохранения его жизни, нежели довольно скромный кабинет врача-мигранта? Если у Имаи-сана банально недостаточно всего необходимого, чтобы ему помочь?

Ох уж эти “если”...

Тысячи “если” в моей голове кружат, подобно пчелиному рою, одно за другим отбирая остатки уверенности в содеянном. Перед глазами то и дело пестрят модные витрины, но ничего другого в голову не вмещается. По моему приезду, хирург банально выгоняет меня, забрав пациента, разрешив

вернуться только после того, как он сообщит об этом, вот и блуждаю среди магазинчиков, то и дело кусая губы, словно последняя неврастеничка.

Даже звук входящего не сразу различаю...

– Ты уже два часа, как в городе, но до сих пор мне не позвонила! – доносится обвинительным тоном, стоит принять вызов. – И вот кто ты после этого, а?!

Нина – моя подруга детства. Одна из тех, кто искренне и по-настоящему ждёт моего возвращения домой. Прежде мы вообще были не разлей вода, почти каждый день проводили вместе, но после того, как я переехала из-за учёбы, наше общение стало куда более редким.

– Хотела сделать тебе сюрприз. Но не получилось, – не скрываю очевидного с усталым вздохом, останавливаясь напротив банкомата. – В аварию попала, – оправдываюсь, как могу.

Про всё сопутствующее умалчиваю. Временно.

– Что-то серьёзное? – тут же беспокоится Нина.

– Да нет, просто небольшая задержка, ничего страшного. Я тебе потом всё подробно расскажу, как доберусь до тебя, ладно? Мне телефон нужен, позже поговорим, хорошо? – произношу, и только потом вспоминаю кое-что ещё, что прежде упускаю: – А откуда ты узнала, что я уже почти дома? – озадачиваюсь вслух.

– Мария сказала, – хмыкает Нина. – Откуда я ещё могу узнать? Её твой папа предупредил. Она тебя ждёт и пирог

тебе приготовила. Только не говори ей, что я тебе рассказала, это типа сюрприз! – усмехается девушка. – Ладно, как уладишь свою проблему с аварией, я тебя жду! Но учти, моё терпение не безгранично! – хихикает и сама же первая отключается.

Согласно киваю, как если бы она всё ещё меня слушала и видела, уже после сосредотачиваюсь на банкомате и снятии наличных с виртуальной карты. Забираю довольно много. Часть пойдёт на оплату услуг Имаи-сана, а на остальные куплю подарки для домашних. Надо же как-то оправдать перед отцом свои сегодняшние расходы, на случай, если заинтересуется. Вряд ли стоит рассказывать ему о том, как я потратилась на лечение незнакомца, потому что вдруг стало его жаль и захотелось помочь. Не дай бог родитель так проникнется, что потом тоже помочь захочет. Лично мне. С посещением психиатра. А вот если я куплю, скажем, какую-нибудь сумку, стоимостью в среднестатистическую однушку, в его понимании это уже не будет выглядеть странно.

Ну, да ладно...

К тому времени, как хирург заканчивает свою работу с привезённым мной пациентом, я успеваю закупить несколько пакетов всякой всячины, обойдя десятки магазинчиков, выстроенных в параллель вдоль бульвара. Оставшуюся часть налички я вручаю Имаи-сану, когда возвращаюсь, как условлено.

– А здесь не многовато? – хмурится Имаи-сан, взвешивая

незатейливый белый конверт.

Да, не пересчитывает, именно взвешивает в ладони, слегка подбросив, предварительно посмотрев символику номинала.

Кто ж этих великих специалистов и их привычки поймёт.

– Возможно, я попрошу вас ещё об одной услуге, – улыбаюсь виновато. – Можно, это останется между нами? Пожалуйста.

Имаи-сан хмуриться перестаёт. На его губах расплывается понимающе-снисходительная насмешка.

– Вся информация о моих пациентах всегда остаётся конфиденциальной и за пределы этих стен не выходит, ты можешь не беспокоиться на этот счёт, – успокаивает. – Доплачивать за это не обязательно, – добавляет, растеряв всё своё веселье.

Сурово как-то даже. Видимо, решает, что я в нём сомневаюсь.

Обижать его я ни в коем случае не собираюсь!

Вот и перевожу тему:

– Как он? Всё в порядке ведь, правда же?

– Да что ему будет? – округляет глаза в очередном снисхождении Имаи-сан. – Здоровущий, как бык. Да и пуля прошла навывлет, даже копаться в нём особо не пришлось – так, подлатал немного. Разве что башкой где-то сильно ударился. Скоро в себя придёт. Не переживай, ничего страшного с твоим мужиком не случится, – типа успокаивает, а вот я наобо-

рот, начинаю нервничать. – Жить будет. Ну, пока твой отец о нём не знает. Ты ведь поэтому меня о молчании попросила?

– Это не мой, – мямлю смущённо, – мужик.

Он мне явно не верит. Слишком много скептицизма читается в его глазах и кривой ухмылке.

– Но да, я именно поэтому попросила! – добавляю поспешно.

Не потому, что мужик – мой, а чтоб отец не знал. Хотя эти подробности хирурга совсем не интересуют. Отмахивается от меня, как от надоедливой мухи, разворачивается и шагает прочь вдоль коридора, в сторону своего кабинета.

– Если хочешь, можешь к нему зайти, там побыть, – бросает через плечо, на ходу, вовсе не думая провожать меня.

И зачем мне туда идти?

Если только чтоб рассказать, где он и что с ним, когда очнётся, раз уж к центральному вокзалу я его не отвезла, как попросил. Всё-таки лучше я сама всё объясню, чем он хирурга допрашивать станет. Мало ли чего он расскажет. В том числе, обо мне.

Да, только поэтому и пойду!

Вовсе мне не интересно, как он там...

Живой и ладно.

Не будет на моей совести лишения чужой жизни.

Незнакомец, между тем, действительно спит. На хирургическом столе, прикрытый белой простышкой по пояс. Неподалёку от него суетится медицинская сестра, которая занята

послеоперационной уборкой. Я вежливо здороваюсь с ней. Останавливаюсь в дверях. Чтоб не мешать. Последнее из оставшегося – инструменты, которые она упаковывает в специальный металлический контейнер с непонятными надписями красной краской. А после того, как заканчивает и с этим, вежливо попрощавшись, удаляется.

Пациент всё ещё без сознания. Не уверена, насколько рана является действительно несерьёзной, как говорит Имаи-сан, всё-таки повязка, закрывающая рану, ничуть не маленькая. Я подхожу поближе, чтоб разглядеть лучше, и даже позволяю себе слегка наклониться, заметив чёрные символы, вбитые под кожу.

На японском.

Или китайском?

А может на ещё каком-то языке.

В иероглифах я не сильна.

Но становится вдвойне интересно.

Надпись – довольно крупная, тянется от линии солнечно-го сплетения, вдоль живота и ещё ниже. Задумываюсь над тем, чтоб у Имаи-сана спросить как-нибудь, если подвернётся такая возможность. И тут же ругаю себя за подобную мысль. Представляю его вытянутое лицо, когда озвучу нечто подобное.

Хоть на телефон фотографируй и переводчиком пользуйся!

С другой стороны, а зачем фотографировать и отклады-

вать на потом? Если незнакомец всё равно в отключке.

Кто или что мешает сделать это прямо сейчас?

А ничего!

Мысль оказывается настолько забавной, что невольно улыбаюсь, потянувшись к заднему карману джинс, в котором припрятан мобильник. И случайно задеваю локтем оставленный на краю приставленного столика контейнер, который не забрала с собой медсестра. Хорошо, вовремя реагирую и ловлю его. Правда, мой телефон вываливается и падает. Но ничего. Он неспроста противоударный. Главное, ко всему прочему, не разнести тут всё, и устроить новый бардак. Впрочем, пока верчусь туда-сюда, успеваю задеть не только контейнер, но и сам хирургический стол. В частности, простынь, которая предательски съезжает, зажата между моим бедром и холодным металлом. Тоже ловлю. И даже вовремя. Возвращаю, как было прежде. Осторожно и аккуратно. Чтоб незнакомца не задеть.

А он...

Всё ещё спит, да.

В отличие от его тела!

Которое реагирует весьма интересным образом.

И мне ничего не остаётся, как закусив нижнюю губу, с некоторым удивлением наблюдать за злополучной простыней, которая постепенно приподнимается, выдавая вполне очевидные очертания того, что эта самая простынь призвана прикрывать.

– Стояк, – срывается с моих губ нервным смешком. – Превосходно, – добавляю ворчливо.

А всё потому, что мужская эрекция становится лишь твёрже и, закономерно, отчётливее, пока подлая простынь опять сползает, норовя вот-вот не только перестать скрывать выдающуюся анатомическую особенность, но и вскоре вовсе будет намного ниже.

– Ну, да, почему бы и нет? – заново ворчу себе под нос и с обречённым вздохом повторно тянусь к краю простыни.

Чтоб поправить, разумеется. И вовсе ни разу не рассчитываю, что от моих нехитрых манипуляций мужская плоть вдруг дёрнётся.

Вот же...

Замираю.

Даже вздохнуть лишний раз опасаясь.

Подтянуть простынь чуточку выше, как собиралась, – тоже!

Но и не отпускаю...

Дурацкая какая-то ситуация!

И я еле сдерживаюсь, чтоб не застонать в голос от такой несправедливости, ведь помочь хотела, а выходит... как обычно.

Или ещё хуже!

Убрать руку и заблаговременно покинуть место преступления мне не удаётся. Только если мысленно. А по факту, стоит всего на дюйм сдвинуться, как моё запястье момен-

тально перехвачено. Мужские пальцы смыкаются безжалостно и крепко, не оставляя ни шанса на то, чтоб избавиться.

Всё, поймал...

В сознание, по всей видимости, тоже пришёл!

Хотя я, честно, изо всех сил старательно молюсь об обратном, пока набираюсь смелости удостовериться в своём предположении.

Жаль, наспех сочинённая молитва совсем не спасает...

Синий взор широко распахнут. Мужчина пристально разглядывает сперва потолок, затем плавно переводит внимание к стенам, изучая окружающую обстановку, потом сосредотачивается на мне. По непроницаемому, отчасти суровому выражению лица вовсе не понять, как он воспринимает происходящее, и я начинаю молиться с удвоенным усердием, чтоб всё закончилось поскорее, как страшный сон, особенно, когда слышу:

– Прости, красавица, но я немного не в форме сейчас.

Мамочка моя родная, ну почему так стыдно?!

– А по вам так сразу и не скажешь, – язвлю с расстройства.

Вот теперь он удосуживается взглянуть на наши руки. И то, что сразу под ними. От мужского стояка мою ладошку разделяет лишь треклятая простынь. Совсем никакого расстояния. Я чувствую это соприкосновение слишком отчётливо, чтобы его игнорировать.

– Да. Действительно.

Всего секунда. Мужчина резко поднимается и усаживает-

ся, развернувшись ко мне таким образом, что я почти чувствую его дыхание – настолько он близко. Подлая простынь остаётся себе верна. Всё также подло сваливается. Окончательно. Падает на пол.

– Я всего лишь хотела узнать, что они значат! – спешно капитулирую, оправдывая все свои грехи, отшатываясь назад.

И тогда тоже не избеваюсь. Остаюсь рядом с ним. Ведь мою руку он так и не отпускает. Более того, теперь его колени плотно прижаты к моим бёдрам. Всё. Я в капкане.

– Они? – вопросительно выгибает бровь.

Вот уже дважды посещает это несуразное чувство, отзывающееся полнейшим диссонансом и войной в моей голове. Всему виной его взгляд. Смотрю в тёмные глаза и будто падаю в пропасть, пропадаю, не за что уцепиться и спастись, так глубоко.

– Да. Они. Татуировки, – с некоторым усилием, но всё же отвечаю, пусть и не сразу.

На мужских губах расцветает лёгкая насмешка. Его пальцы – мозолистые, шероховатые, совсем не мягкие и холодные, словно из гранита высеченные. Обхватывают крепче. Сдвигаются вместе с моей ладонью. Остаются поверху, позволяя коснуться аккуратно по центру солнечного сплетения. Не просто контакт. Словно током бьёт по кончикам моих ногтей. Разряд. И новый импульс диссонанса в моём сознании. Неправильный. Несуразный. Запретный. Нельзя та-

кое чувствовать. Чрезвычайно ярко. Намного больше, чем я есть. Там, где начинаются неизвестные мне знаки. Он ведёт сверху-вниз, от одного символа к другому, замедляясь на каждом из них, совсем ненадолго, по мере продолжения:

– Ливень льёт на святых точно так же, как и на грешников, – цитирует написанное, а после наши пальцы, сцепленные вместе, вновь замирают, чуть ниже линии стального пресси.

Но совсем не эта столь пикантная деталь положения меня тревожит. Вкрадчивый тихий голос играет со мной дурную шутку. Пробирается в разум, посылая мириады мурашек по коже. Нет, не холодно. Жарко. Даже слишком. Дышать становится сложнее, как если весь кислород из помещения испаряется. Хотя я очень стараюсь. Жадно хватаю ртом воздух. И застываю, едва мужчина зачем-то касается моих губ. Ведёт большим пальцем от уголка губ, мучительно медленно, слегка надавливая. По-прежнему неотрывно смотрит в мои глаза, словно примагничивает. Нас обоих.

– Твои губы. Само совершенство, – шепчет он, склонившись опасно близко. – Я почти представил себе, как шикарно они будут смотреться на моем члене, пока ты будешь стоять передо мной на коленях, глядя на меня снизу-вверх.

Звучит жутко пошло и грязно. Ничего более непристойного я в жизни не слышала по отношению к себе. Я совершенно точно должна оскорбиться, заявить о том, что ничего подобного не будет и быть не может, если только в его меч-

тах. Но на деле это каким-то непостижимым образом будоражит воображение намного хлеще всего остального, и даже хуже – заставляет тоже представлять.

Почти...

О чём я только думаю?!

Минутное помешательство я всё-таки перебарываю. Кровь, расплзающаяся здоровенным пятном по бинтовой повязке – очень хороший катализатор. На неё и смотрю. Забываю остальное.

– Кровь. Опять пошла. Я позову врача, – оправдываю собственное бегство.

На этот раз меня никто не держит. Да и сомневаюсь, что удержал бы, даже если бы захотел. Отдёргиваю руку, отпрыгиваю назад, будто ошпаренная, и отворачиваюсь, так что не вижу его реакции на такую мою трусость. Да и не хочу ничего об этом знать. Поспешно сваливаю.

– Где моя одежда? – доносится в спину.

– Вот сейчас и узнаю!

Да, всё-таки сбегая. Возвращаться не планирую. Жаль, осознаю уже после того, как приходит медсестра с одеждой и Имаи-сан, что забываю свой телефон там, около хирургического стола. Потом же ничего не остаётся, как от безнадёги бесцельно подпирать собой одну из стен коридора, вслушиваясь в доносящееся из-за двери ворчание хирурга о том, как разошлись швы из-за того, что кое-кто слишком нетерпеливый, ему ещё лежать, да лежать. Ничего подобного, к слову,

незнакомец не планировал и не собирается. К тому моменту, когда мне разрешено опять войти, он успевает натянуть штаны и застёгивает испорченную багровыми пятнами рубашку. Его самого, похоже, этот факт несколько не смущает. Пиджак прикрывает запёкшуюся кровь, а сам мужчина сосредоточен больше на том, что происходит в его телефоне. Мой телефон, тем временем, всё ещё валяется на полу, чуть подальше, позади него самого. И вот совсем не об этом мне стоит думать, но память навязчиво подсовывает сказанное им совсем недавно, пока воображение рисует грядущий момент, где мне в самом деле придётся наклониться и опуститься ниже, практически реально встать перед незнакомцем на колени.

Пресвятое дерьмо!

Ну, за что мне всё это?!

– Мой телефон. Упал, – поясняю, обречённо вздыхая, в надежде, что он сперва пододвинется.

Бездонно синий взор плавно смещается от экрана своего телефона ко мне. Будто сканирует, пристально разглядывая, разбирая на части, совсем не спешит что-либо менять.

– Если упал, подними, – предлагает мужчина.

И да, млин, никуда не отходит!

Самым бессовестным образом ждёт, похоже, то самое, о чём я в невыразимых муках думаю всё это время.

Хорошо, я не особо гордая.

Правда, именно с таким видом я всё-таки нагибаюсь, оста-

навливаясь чуть сбоку от того, кому, определённо, кажется очень забавным и заманчивым сворачивать мне кровь.

Дважды хорошо, что на этот раз он никак не комментирует!

И даже по-джентльменски галантно открывает и придерживает для меня дверь, перед тем, как выходим.

Дальше...

Наверное, надо попрощаться.

Или предложить его подвезти?

Нет, пусть сам добирается.

А с меня хватит!

Напомогалась...

К тому же, со способом добираться куда ему там нужно, никаких проблем у незнакомца нет. Едва мы оказываемся на улице, я натыкаюсь на два здоровенных джипа, похожих на тот, из которого я забрала мужчину, находящегося у меня за спиной. Останавливаюсь как вкопанная. Ноги дальше идти не хотят. Нельзя не заметить и не обратить внимания ни на сами тачки, ни на двоих индивидуумов, которые рядом с ними.

– Салют, Эва, – здороваются тот, что самый высокий.

Блондин, хранящий лукавую усмешку на губах, разглядывает меня с не меньшим интересом, нежели другой, рядом с ним. Небольшая щетина на скулах и всклокоченные волосы придают ему налёт неряшливости. Но это впечатление обманчиво. Его идеально выглаженный костюм в свет-

лых тонах стоит целое состояние. Я слишком хорошо знаю таких, как он, чтобы верить в ложное представление о том, каким неаккуратным может быть этот человек. Меня вводит в ступор не столько само его обращение, сколько моё названное имя. И не просто знает. Совсем не скрывает. Наоборот, намеренно обозначает этот факт. Я нахожу этому тысячу оправданий. Ни одно не спасает. Ни одно, кроме:

– Заткнись, Айзек, – сухо отрезает тот, с кем из всех них я знакома чуть дольше. – Не лезь к ней, – звучит с проскользнувшим предупреждением, и мне действительно становится легче.

Настолько, что хватает смелости обернуться к незнакомцу:

– Береги себя. Ты себе ещё пригодишься.

Вместо прощания. Не знаю, что ещё ему сказать. Зачем вообще что-то говорю? Не хочется уходить совсем безмолвно, а ничего умнее придумать не выходит. Да и вся моя смелость заканчивается. Больше ни разу не оборачиваюсь. Добираюсь до своей машины, припаркованной неподалёку, и просто уезжаю.

Правда, и тогда не расслабляюсь, ведь один из внедорожников вдруг неукоснительно следует за мной. Несколько кварталов. Поначалу решаю, что будет следить до самого дома и закономерно напрягаюсь больше прежнего, но напрасно. Едущая позади машина сворачивает вправо на одном из светофоров, а я, наконец, вдыхаю полной грудью, весь

оставшийся путь бестолково улыбаясь, вспоминая это своё маленькое шальное приключение.

Глава 3

Эва

Многоэтажный жилой комплекс, к которому я подъезжаю, выглядит довольно оживлённым: детвора носится внутри периметра цветастого ограждения; несколько парочек прогуливается по тротуарным дорожкам; в тени крон деревьев, на лавочке прячутся те, кто постарше. Им всем нет до меня никакого дела. Собственно, именно поэтому я и приезжаю сперва сюда, – не тороплюсь домой. Надо же скрыть все оставшиеся следы своего преступления, в частности – испорченную тачку.

– Нина, я приехала, – сообщаю подруге, отправляя ей голосовое.

Проходит всего несколько секунд, я успеваю лишь вылезти из машины и открыть багажник, откуда достаю ворох бумажных пакетов с покупками, а в ответ прилетает: *“Поднимайся быстрее!”*.

Входной ключ у меня есть ещё с давних пор. Консьерж тоже знаком. Миловидный старичок ласково улыбается и предлагает помочь с пакетами. Отказываюсь. Но благодарю за помощь с вызовом лифта. Створы приветливо распахиваются.

Я поднимаюсь на шестнадцатый этаж в гордом одиночестве. И наслаждаюсь последними секундами уединённости со своими мыслями, ведь, едва дохожу до нужной квартиры, как дверь широко распахивается, я слова вымолвить не успеваю:

– А-а-а... Ну, наконец-то! – радостно вопит хозяйка квартиры, затаскивая меня внутрь вместе с пакетами, повиснув на шее.

Дышать свободнее совсем не становится, блондинка с буйными кудряшками, одетая в простые шорты и майку, сыплет одним вопросом за другим, мне даже рот открывать не обязательно, и сама с собой прекрасно общается. Мы добираемся до гостиной, там я оставляю все принесённые с собой пакеты, парочку из которых вручаю самой Нине, и падаю на диван.

– А в остальных что? – прищуривается девушка.

– Остальное папе и Марии, – улыбаюсь. – Сразу с собой забрала, чтоб не возвращаться к машине, когда домой поеду.

Данное жилище родители Нины приобретают для неё не столь уж давно, район считается относительно недорогим, тихим и отдалённым, но что мне действительно нравится, так это удобная развязка. Расположенный со сквозными входами комплекс из нескольких примыкающих друг к другу зданий позволяет свободно попасть, как во внутренний двор и прилегающую к нему парковку для жильцов, так и к выходу станции метро, а также другого общественного транспорта. Но эти свои умозаключения я вслух не озвучиваю, так что

собеседница недоумённо приподнимает бровь.

– На метро, – обобщаю коротко в пояснении.

Она кивает, заглядывая в первый из пакетов, пока я начинаю выдавать новые подробности, касающиеся своего автомобиля. Внутри – то самое коктейльное платье алого оттенка, о котором она мне все уши прожужжала несколько вечеров назад, поэтому я совсем не удивлена новому радостному воплю с её стороны.

– Ой, прости... – прикусывает себе язык девушка. – Так что там с твоей машиной? Сильно ты её стукнула?

– Не очень, – признаюсь и в этом. – Но папе об этом лучше не знать. Завтра займусь ремонтом. Пусть на сегодня пока у тебя останется, – прошу и протягиваю ключ с брелком сигнализации.

Нина снова кивает. Ключ и брелок остаются покоиться на стеклянном столике неподалеку.

– А если твой отец спросит про машину?

В этой части я признаюсь не столь охотно.

– Скажу, что к тебе заезжала, мы немного вина выпили, поэтому за руль садиться не стала, – почти не вру. – Вино, кстати, я тоже с собой прихватила, – указываю жестом на второй пакет.

Ей два раза повторять не надо. Вскоре у нас обеих в руках по бокалу, наполненному терпким красным и полусладким, вопреки обеденному времени, а дальнейший рассказ о моих утренних подвигах даётся куда легче. Не умалчиваю да-

же про ту часть, которая содержит таинственную татуировку, подлую простынь и мужской стояк на контрасте с глубоко смущённой мной.

– Ну, ты даёшь, – вздыхает Нина. – А если он каким-нибудь маньяком оказался? Ты ведь его совсем не знаешь, – качает головой. – Даже имя не спросила, – уже откровенно попрекает.

Она целиком и полностью права, вот и молчу.

– Красавчик, да? – по-своему расценивает Нина.

И опять я молчу. Старательно избавляясь от каждого из всплывающих воспоминаний о том, как же горячо ощущались его прохладные ладони, касающиеся меня.

– Хоть бы имя спросила тогда, – снова делает свои собственные выводы девушка. – Но ничего, может, вы ещё встретитесь? Кто знает, в жизни всякое случается. Неспроста он тебе на дороге попался. Судьба – она такая... – кивает со знающим видом. – А хочешь, я попрошу Тео пробить его по городским камерам? – предлагает, упоминая своего старшего брата, служащего в полиции. – Будет тебе знатный подарочек от нас на День рождения!

Одна часть меня рвётся с ней согласиться. Другая – стойко отрицает любую возможность повторной встречи. На деле же, я понятия не имею, хочу ли я в действительности связываться с сомнительным типом, чьего имени в самом деле не спросила.

Наверное, всё же – нет...

Этими нездоровыми сомнениями я терзаюсь ещё довольно долго. Даже после того, как покидаю жилище подруги и возвращаюсь в отчий дом. Он такой же, как и два года назад. Выстроенный в лаконичной манере: тёплые бежевые стены, обилие натурального дерева и громадный камин, соединяющий два этажа, как центральное украшение дома, – всё веет теплом и уютом, остаётся таким же из года в год.

Мария в самом деле испекла мой любимый яблочный пирог, половина которого едва доживает до возвращения папы. Он приезжает с работы поздно. Заметно уставший. Но всё равно крепко обнимает и с энтузиазмом расспрашивает о том, как я доехала. Я тоже охотно делюсь впечатлениями. Хотя бессовестно умалчиваю о многом. А потом ещё долгие-долгие минуты терзаюсь угрызениями совести, с лёгкой полуулыбкой разглядывая участившуюся седину в тёмной шевелюре родителя, пока Мария накрывает ужин.

Нет, не потому что боюсь его реакции.

Будет ругаться?

Однозначно!

Но он у меня отходчивый.

А я – терпеливая.

Однако лишние переживания ему ни к чему.

Своих полным-полно...

– Так что там с вашей лотереей для гостей? Решили, какие подарки будем дарить? – интересуется папа, усаживаясь за стол.

– М-м?.. – не сразу выныриваю из своих мыслей.

– Ты разве не у Нины сегодня была? – удивляется встречно отец. – Или вы опять всем парням в округе кости перемывали, но о самом главном забыли? – лукаво усмехается.

Спасает ворчливое замечание Марии.

– Что за мода такая, не пойму? День рождения будет у нашей красавицы, а подарки дарить будем мы – не наоборот, как у нормальных людей, – качает она головой с прискорбным видом.

– Это просто небольшие сувенирчики, на память, в качестве ответной благодарности, – хватаюсь за смысловую нить разговора.

Женщина преклонных лет со мной явно не согласна, но не спорит. Продолжает ворчать уже тихонько, себе под нос, направившись на кухню за горячим.

– Ну, да, забыли, – уже для папы. – Вернее, просто не определились! – оправдываюсь поспешно. – Завтра решим.

– Ну, да, как же... – скептически хмыкает отец, демонстративно уставившись на свои часы. – Не затягивайте, а то не так уж и много времени осталось, – велит следом.

Охотно киваю. Мария возвращается в столовую, и последующее ближайшее время мы заняты поглощением салата, мяса и печеного картофеля со специями. Я успеваю съесть почти всё. Да не всё. Мой ужин буквально застревает в горле, одновременно с задумчивым от папы:

– Больше никого пригласить не хочешь? Того, о ком я ещё

не знаю, – меряет меня пристальным оценивающим взглядом.

Точно замечает мою реакцию!

Стараюсь протолкнуть в себя остатки пищи, как можно незаметнее. Выпиваю сразу несколько глотков воды в помощь.

– Например, кого? – интересуюсь настороженно.

На губах отца расплывается снисходительная насмешка.

– Ну, не знаю, вдруг ты себе парня завела.

На секунду становится страшно.

Неужели Имаи-сан меня сдал?!

Да нет...

Приступ паники я безжалостно подавляю.

Если бы речь шла о том брюнете и моём знакомстве с ним, папа вряд ли оставался бы настолько спокойным.

А значит...

– Если бы завела, ты бы обязательно об этом знал, – отзываюсь максимально нейтрально и беззаботно.

Пристального взгляда от меня отец так и не отводит.

– Что? Разве я не права? – ехидничаю.

Папа неопределенно пожимает плечами.

– Мало ли... – произносит неохотно.

Словно всё ещё не верит.

Мне.

Или себе.

– А с чего бы тебе вообще спрашивать меня об этом? –

заинтересовываюсь я сама.

Откуда-то же взялась эта тема ни с того ни с сего.

– Ой, да скажите вы уже ей! – не выдерживает первой Мария.

А значит, я права.

И...

– Сказать о чём? – переспрашиваю, направив всё своё подозрение во взоре то на одного, то на другого участника беседы.

Отец делает вид, будто не замечает. Зато одаривает Марию настолько многообещающим взглядом, что та моментально принимает виноватый вид.

– Я собирался ей сказать. После ужина, – подчёркивает. – Ни к чему портить аппетит. Всем нам.

Может и собирался, да только поздно!

– И что ты собирался мне сказать после ужина? Я почти доела. Говори. Обещаю, портить аппетит никому не буду, – упрямо вздёргиваю подбородок.

А то меня ж разорвёт от любопытства, если сейчас не узнаю.

Папа, судя по-всему, прекрасно помнит об этой моей особенности. Которая не только любопытство, но и упрямство. Быстро сдаётся. Откладывает столовые приборы. С тоской в последний раз смотрит на еду в своей тарелке.

– Ты должна выйти замуж, – ставит перед фактом.

Ультиматум. Именно так. Никак иначе. Командирский

тон у него на уровне. Он со мной им считанные разы в жизни разговаривал, в основном лишь на своих подчинённых практикует, а их у него не мало, все, как миленькие слушаются. Вот и я... Ослышалась? У меня галлюцинации? Или он что-то перепутал?

Жаль, ошибаюсь я лишь в последних предположениях.

Но не в том, что он говорит.

– Может, и жениха уже подобрал? – срывается с моих губ всё ещё непонимающе, полное обиды, пополам с горечью.

На самом деле я никогда не обманывалась на свой счёт. Единственная дочь своего отца. От гиперопеки иногда хоть вой на луну. Хотя мне многое позволено. Вложено тоже не мало. В меня. Явно неспроста. Мы не в том мире живём, где всё розовое и сахарное. Родитель позволил получить превосходное образование. Я очень старалась не ударить в грязь лицом и соответствовать. Но папа никогда не допускал даже отдаленно до своих дел. А значит, наследство планируется оставить для того, кто... не совсем я.

И если на мой вопрос отвечать отец не спешит, то Мария:

– Подобрал, – сдаёт отца по-полной.

Я не собираюсь впадать в панику, закатывать истерику или что-то подобное. Но на глаза наворачиваются слёзы, и я ничего не могу с собой поделать. Просто потому... Ну, зачем он так? Расспрашивать не обязательно, чтобы уяснить – давно всё решил. За меня. Не поинтересовавшись моим мнением. И не то, чтобы это становилось каким-то очередным

сюрпризом, однако...

– Да ты гонишь, – всё, на что меня хватает.

Скорее всего мой голос звучит слишком дерзко и непочтительно, ведь по лицу родителя на мой отказ проступают красные пятна. Он злится. С хрустом сжимает правую руку в кулак.

– Эвелин Хелена Вайс, – чеканит по слогам моё полное имя, затем второе, после чего и фамилию припоминает.

И это очень-очень плохо!

Если уж снизошёл до такого тона, то значит никаких вариантов не остаётся. Обсуждению его решение не подлежит. Но я всё равно пытаюсь. Своеобразно.

– Я почти двадцать один год, как Эвелин Хелена Вайс, – отзываюсь, подсакивая с места. – И что с того? Тебе не кажется, что сперва надо было всё это как-то со мной обсудить, уже потом что-либо делать? Женихов подбирать, к примеру. Или тебе безразлично, как я к этому отношусь? Просто перед фактом ставишь? – задаюсь вполне закономерными вопросами.

Отец шумно выдыхает. Заново сжимает кулак.

– Мы обсуждаем. Сейчас, – признаёт на свой лад.

Еле держусь, чтоб не скривиться, так паршиво ощущаю себя. словно на меня уже приклеили стартовый ценник, остаётся лишь на витрину выставить для дальнейших торгов, и сейчас решается, какая упаковка более презентабельная, чтоб продать подороже.

– Да? Хорошо. И когда, по-твоему, должно осуществиться сие феерическое событие в нашей жизни? – стараюсь говорить спокойно, но яд в моём голосе сочится сам собой.

Выражение лица родителя становится каменным.

– В самое ближайшее, – не медлит с ответом.

В груди становится слишком больно.

Должно быть, примерно так себя чувствует человек, когда на него сверху падает весь мир и рушится на голову.

Ничего не говорю ему в ответ.

Да и что сказать?

Ужин давно остыл. И вряд ли ещё хоть что-нибудь в меня влезет сегодня. Если только остатки того вина, что я принесла, когда заходила к подруге этим днём, или что-нибудь покрепче.

К ней и направляюсь, фактически сбегая с места своего приговора, не забывая демонстративно громко хлопнув дверью.

Спасибо, Нина у себя. И одна. Добираюсь до неё пешком. Во-первых, потому что на эмоциях забываю прихватить с собой бумажник. А во-вторых, преодолённые километры идут на пользу. Я почти успокоилась. По крайней мере, руки перестают дрожать, дышать становится легче, да и пульс больше не долбит по вискам. Хотя это совсем не мешает мне начать жаловаться прямо с порога:

– Отец выдаёт меня замуж!

Девушка на ровном месте запинается, повиснув на двери,

которую забывает закрыть. Я делаю это за неё. А потом давлюсь нервным смешком, заботливо прикрывая ей рот.

– Ты серьёзно? – округляет глаза Нина.

Забавно, но спустя двадцать один километр пешей ходьбы, это больше не кажется настолько ужасающим событием, как прежде.

– Угу, – выдаю, как есть.

– Да ты гонишь, – отшатывается от меня девушка.

С моих губ слетает ещё один нервный смешок.

– Я папе именно так и сказала, когда он поставил меня в известность по данному поводу, – не дожидаясь приглашения, прохожу дальше, в гостиную.

Там, на невысоком столике покоятся остатки хозяйского ужина на одну персону и та самая бутылка вина. К ней и направляюсь. Внутри сохраняется примерно треть от содержимого. Глотаю без раздумий, прямо из горла. Усаживаюсь на пол.

– Прости, но кажется, моя свадьба случится даже раньше твоей, – развожу руками, пока девушка сопровождает все мои действия сочувствующим взглядом.

На такое заявление Нина ворчливо пыхтит и садится рядышком, приобнимая за плечи. Молчит. Поначалу. Бутылку с вином отбирает, тоже делает долгий глоток из горла, только после заговаривает:

– Я всегда знала, что твой отец и свечку подержать согласится в твою первую брачную ночь, лишь бы всё прошло, как

надо и по плану, но... – хмурится, – как-то слишком быстро. С чего бы вдруг?

На высказывание с намёком о склонности родителя к контролю над моей жизнедеятельностью я страдальчески закатываю глаза. А вот на оставшуюся часть речи призадумываюсь.

– Я не спросила, – вздыхаю тоскливо. – Так разозлилась, что свалила. К тебе. Даже не спросила, кого он мне там нашёл в потенциальные мужья. И не только нашёл, но и, похоже, дату тоже запланировал, – кривлюсь в досаде.

На этот раз нервно хихикает Нина.

– Зря не спросила. Вдруг это кто-нибудь эдакий, вроде того твоего сегодняшнего подстрельша? – лукаво усмехается.

– Подстрельша? Серьёзно? – переспрашиваю. – Такое слово вообще бывает? – снова закатываю глаза.

– Необыкновенному мужчине – необычное определение, – хмыкает она, нисколько не проникнувшись, заново отпивая из бутылки, протягивая ту мне. – Чтоб уж точно забываемым был!

Забираю бутылку и вливаю в себя значительно больше, чем сперва, почти до дна выпиваю. На языке остаётся терпкий виноградный привкус. Внутри становится значительно теплее. А мысли уплывают к образу того, о ком речь. И пусть я вовсе не собиралась думать о нём, но слишком уж заманчиво увидеть незнакомца ещё раз, хотя бы издалека. Просто, чтобы знать, что с ним всё в порядке, не зря я старалась и

мучилась.

– Я только получила диплом. Зачем он мне, если не удивлюсь, буквально завтра, я выйду замуж, а затем буду домохозяйкой, чья самая великая цель в жизни – угодить мужу, а ещё нарожать побольше детишек и не забыть причесаться, да накраситься, ибо неповадно выглядеть стрёмно в высшем свете? – язвлю с расстройства. – Но да, зря я всё-таки не спросила “кто?”, – после недолгих раздумий соглашаюсь с Ниной. – Так хоть бы заранее начала готовиться к тому, как от него избавиться, – допиваю остатки вина и поднимаюсь на ноги, чтобы убрать пустую бутылку.

– Там ещё два Бакарди есть! – доносится мне в спину от подруги. – Тащи всё! Будем строить планы по избавлению от всех твоих незваных женихов! А то мой на меня точно обидится, если я вместо своей свадьбы твою планировать начну!

Мне, как и ей, два раза повторять не надо.

Где-то на середине первой бутылки рождается нехитрый план не только по избавлению от моего потенциального жениха, но и на случай, если за ним последуют другие. К окончанию этой бутылки к основному плану добавляется запасной – найти и подобрать другого жениха, удобного не папочке, а лично мне, глядишь родитель от такого сюрприза придёт в праведный ужас и вообще передумает меня замуж выдавать за кого бы то ни было. К началу второй бутылки Бакарди подруга решает, что все обсуждаемые нами контрмеры должны быть не только радикальными, но и срочными,

соответственно начинать поиски необходимо прямо сегодня и даже сейчас, хоть в самом ближайшем клубе. К тому моменту, как становится пустой вторая бутылка, я согласна с ней по всем пунктам.

В конце концов, разве может быть хуже, чем уже есть?..

Глава 4

Эва

Несмотря на позднее время, город совсем не спит. И даже больше. Ни разу прежде я и представить себе не могла, насколько всё вокруг может дышать жизнью. По-настоящему. Пусть не светит солнце. Ночные огни сверкают до того ярко, что буквально переполняют теплом и жаждой новых впечатлений. А может я просто-напросто прежде не пила столь глобально... Не суть. После того, как к содержимому двух бутылок рома в нас с Ниной добавляются новые шоты, так и вовсе всё плохое – случившееся прежде, перестаёт иметь значение. Звучный такт музыки на задымленном танцполе перебивает последние мысли в моём разуме. Лёгкое головокружение, порции новых разноцветных шотов, и я готова не просто забыть – вообще никогда не вспоминать, по крайней мере, пока эта ночь не закончится. Но то я. Нина, кажется, более трезва и всё ещё помнит о нашей священной миссии по спасению моей персоны от навязанной родительской кабалы. Она же тыкает пальцем в сидящего с другой стороны барной стойки блондина, который тоже замечает нас.

– Слушай, а разве это не... – задумывается девушка, при-

стально разглядывая того, о ком речь. – ... ну, как там его?

Худощавый, хотя кажущийся не малого роста даже с такого расстояния, в пижонской рубашке по последним тенденциям и всклокоченными волосами – мне он тоже кажется знакомым. Но мозг ни в какую не хочет работать настолько интенсивно, чтобы выдать нужную информацию, по крайней мере вот так сразу. Сосредоточиться на нужном воспоминании из былого никак не выходит.

– Джозеф Хардвиг, во! – опережает и в этом меня Нина. Озвученное имя бахает в мой мозг, подобно раскату грома.

Так тоскливо в один миг становится...

Нет, не потому что она сообразительнее меня. Просто я этот экземпляр мужского пола всё-таки тоже вспоминаю. Неудивительно, что не сразу. Последний раз мы с ним виделись в младших классах. Мне потом пришлось школу сменить. Из-за него же, кстати. А от прошлой версии Джозефа Хардвига в нынешнем варианте существуют лишь впалые скулы и дотошно приверженный взгляд, направленный в мою сторону.

Как она вообще его узнаёт?

Столько лет проходит.

Или может, мне всё же везёт, и она обозналась?

Ага, как же...

Не везёт, так не везёт!

– Привет, Джо! – машет ему рукой Нина.

Перехватываю её шальную конечность и прячу обе наши руки за барной стойкой, саму девушку и вовсе загораживаю собой, повернувшись спиной к тому, чьё внимание она так опрометчиво привлекает.

– Я не настолько не хочу замуж, – ворчу на неё, опасливо косясь в ту сторону, где находится самый жуткий прилипала в истории моей жизни.

А тот... самым подлым образом столь же радостно машет нам в ответ, словно и не замечает случившейся заминки. Даже выкрикивает попутно что-то, хотя из-за громяющей музыки ни черта не слышно. И это не самое худшее. Едва секунда-другая, а блондин вовсе поднимается на ноги, уверенно и быстро продвигаясь между посетителями в нашу сторону.

Что я там про то, что хуже быть уже не может, вещала?

Оказывается, может!

Ещё как может!

Вот прямо сейчас!

Вместе с...

– Ну, здравствуй, малышка Эви, – раздаётся аккурат над моим ухом какой-то подлостью судьбы очень даже различимо.

Срочно нужен новый шот!

А лучше сразу два. Или четыре.

Чтоб память совсем-совсем отшибло, и меня отпустил бы начинающийся нервный тик по поводу озвученного прозви-

ща. Да, я была самой мелкой в классе, и это его данное мне “малышка Эви” прицепилось ко мне потом лет на пять, не меньше. А ещё жутко бесил сам факт того, как он опять коверкает моё имя. Настолько, будто я снова в начальной школе оказываюсь. Как и тогда, с пробуждающимся желанием воткнуть в болтливого зануду циркуль, лишь бы заткнулся и отвязался, перестал таскаться за мной по пятам, каждый раз оказываясь там же, где я.

Но мы ведь не в начальной школе...

Да и Джозеф – больше не очкарик-ботан со склонностью к сталкерству. Наверное. Ну, по крайней мере, очков я на нём точно не наблюдаю, а значит и на всё остальное надежда тоже может иметь место быть. Последние десять лет я вообще о нём ничего не слышу, ничем не напоминает он о себе.

Получается, отлегло?

– И тебе привет, Нина, – тем временем чуть приподнимает голову блондин, здороваясь с моей спутницей.

Неприятное чувство, вызванное сохраняющейся слишком близкой дистанцией я безжалостно подавляю.

Первые два шота мне в помощь!

Тем более, что пока тянусь к ним, умудряюсь сама отодвинуться от чрезмерного присутствия бывшего одноклассника.

– Как дела? – улыбается в ответ девушка. – Неплохо выглядишь, – комментирует, не дожидаясь ответа, окидывая его показательным взглядом с ног до головы, – от прыщей, вот, наконец, смотрю, избавился... – подшучивает над ним,

салютуя своим шотом, прежде чем опрокинуть тот залпом.

На стойке перед нами их ещё полно. Чем и пользуется Джо, тут же восполняя взятое новым заказом бармену. И всё бы ничего, но мобильник Нины, лежащий там же на стойке, начинает вибрировать, а звонит не кто-то там – её жених, такое не проигнорируешь. Вот и подруга едва уловимо морщится, прежде чем скинуть вызов. Не потому, что не собирается разговаривать с ним вовсе. Виновато извиняется и обещает скоро вернуться, прежде чем спешно покидает нашу не особо дружную компанию. Её место занимает Хардвиг, не спеша заводит новый разговор. Поглощает ещё один шот, разглядывая меня до того пристально и оценивающе, словно ищет какие-нибудь изъяны, которых прежде не замечал.

Что ж, во мне их полно...

Вот и не спешу разрушать затягивающееся молчание.

– Уж кого-кого, а тебя – так точно не ожидал встретить в этом месте, – выдаёт он в итоге.

Я сама от себя не ожидала. Вот и молчу. На эту тему.

– У нас девичник, – цепляю на лицо самую беззаботную улыбку, на которую только способна. – Замуж выхожу.

Если сразу расставить верные приоритеты, глядишь, и всё остальное пройдёт, как надо.

Ведь так?

Нет.

Потому что вся видимая беззаботность и расслабленность в один момент слетает с сидящего поблизости. Придвигается

ближе с такой скоростью, что совсем не успеваю среагировать. Да и потом возможности вновь отодвинуться не остаётся. Ловит за локоть, буквально впечатывает в себя одним резким рывком. Едва не слетаю со стула, лишь каким-то чудом удержав равновесие.

– Ты поэтому сюда пришла? – зло цедит сквозь зубы. – *Мне* об этом рассказать? – добавляет не менее зло.

Логика происходящего окончательно ускользает от меня.

– Тебе? – непонимающе смотрю на него в ответ.

Откуда мне вообще было знать, что он тут?

Если только...

– Это мой клуб, малышка Эви. И твоя подружка прекрасно знает об этом, – всё так же напряжённо проговаривает он.

Не отпускает. Наоборот. Хватка его пальцев на моём локте сдавливает сильнее. Ещё немного и станет действительно больно.

Мысль о том, что Нина может меня подставить подобным образом, как вспыхивает, так и угасает в разуме. Потом подумая об этом, а ещё лучше – прямоком с неё спрошу. Сейчас же:

– Нет, – качаю головой в отрицании. – Я не...

“...собиралась тыкать тебя носом ни во что такое, за что ты бы мог действительно злиться на меня”, – должно быть продолжением начатой мной фразы.

Но то остаётся исключительно при мне.

Слишком сложно для обозначения вслух, когда в самое

неподходящее время принятые прежде ром и шоты вдруг просятся наружу, причём тем же путём, как попадают, через горло. Тошно становится, в общем. А он не оставляет времени совладать с собой.

– Разве? – перебивает Джо. – А зачем же ты ко мне тогда пришла, а, малышка Эви? – действительно сдавливая свою хватку крепче, отчего становится в самом деле больно.

Где-то здесь мой предел сдержанности тоже заканчивается.

А не пошёл бы он?

Вместе со всеми своими расспросами...

Тем более, что он действительно пошёл.

Вернее, полетел...

Вместе со своим стулом. С одного удара.

Я только и успеваю, что открыть рот...

Сперва чтоб послать его вслух. Затем от банального шока.

Раз уж сказать ничего не удаётся, а моя рука оказывается реально свободна. И всё – исключительно благодаря тому, кто теперь возвышается чуть сбоку, хмуро взирая на весь этот бардак под случившийся грохот падения Джозефа Хардвика.

Вот же...

Ещё и это!

Тот, чьё имя мне до сих пор неизвестно, находится всего лишь в полушаге от меня. Сегодня на нём нет пиджака. Белая рубашка расстегнута на две верхние пуговички. Рукава закатаны почти по локоть, создавая небрежный вид.

Вот только взгляд всё такой же. Тяжёлый. Суровый. Тёмный. Жёсткий. Не позволяющий забыться обманчиво-расслабленной позой стоящего напротив. Недаром Джо так и не поднимается, жалобно поскуливает, схватившись за кровоточащий нос. Всё это вынуждает вспомнить и о собственном внешнем виде. Я ж, как сбежала во время ужина, в заурядных клетчатых шортах и бесформенной футболке, сползающей с правого плеча, так и сейчас пребываю в том же виде.

Ну, вот чего мне дома не сиделось?!

Пусть и у Нины...

Но то про себя.

Вслух:

– Салют, – честно борюсь с непонятно откуда взявшейся улыбкой, хотя и выходит откровенно плохо.

Очень стараюсь не заглядываться на его губы, по которым в ответ скользит снисходительная насмешка, пока моя память услужливо подсовывает всё то, что ещё вчера они мне бессовестно нашёптывали.

– Салют, Эва, – в тон мне, отзывается он.

И да, я всё ещё в шоке!

Причём в весьма своеобразном и сугубо избирательном шоке, ведь, глядя на своего нежданного спасителя – того, кого сама недавно вроде как спасала, вдруг слишком отчётливо вспоминается часть нашего с Ниной “плана” по вызволению меня из грядущего замужества, причём именно та, где мой папочка приходит в праведный ужас от того, если бы я

вдруг выбрала... именно такого, как он. Может быть поэтому, а может и не только, подобный выбор мне вдруг нравится всё больше и больше, а немного погодя и вовсе становится привлекательнее некуда, едва брюнет сокращает дистанцию между нами, притягивает к себе ближе, помогая подняться, а затем ведёт за собой на выход.

Да уж...

Наверное, именно так и становятся шлюхами.

От отчаяния...

То и помогает прийти в себя.

Жаль, довольно запоздало. Как минимум для того, чтобы действительно опомниться и отправиться уже, наконец, домой, завязывая с сомнительными приключениями и не менее сомнительными компаниями. Минуты не проходит, мы – на улице, а меня усаживают в высокий внедорожник. Тот совсем не задерживается. Срывается с места в считанные секунды.

И...

– Стойте! – снова вспоминаю о той, с кем сюда прибыла.

Нина же где-то там остаётся!

Не имеет ни малейшего понятия о том, что происходит.

– Если ты беспокоишься о своей подруге, то не стоит. Айзек вернёт её в целостности и сохранности, – невозмутимо отвечает... то ли мой спаситель, то ли мой похититель.

И не думает ведь вовсе притормаживать. Наоборот. Скорость, с которой движется машина, лишь увеличивается.

– Вернёт... куда? – прищуриваюсь, заново разглядывая суровые черты мужского лица.

Позвонить бы ей, но я свой мобильник вырубая, ещё когда перед отцом психую, а затем сваливаю. И оставляю заветный гаджет у той же Нины в квартире. Тупить – мой основной диагноз, вот да.

– Куда скажет или захочет, – безразлично пожимает плечами собеседник, а через короткую паузу добавляет с отчётливой издёвкой: – Или у тебя есть какие-то особые пожелания на этот счёт?

Сказала бы я...

Например, о том, что у неё есть жених.

И брат. Служащий в полиции.

Но зачем настолько облегчать чужую жизнь?

Куда лучше обсудить совершенно иное:

– Я не имею ни малейшего понятия, даже то, как вас зовут... – перевожу направление разговора, инстинктивно вжимаясь в кресло.

Оно мягкое и до того комфортное, что вполне себе неплохая стрессотерапия получается. В салоне вообще настолько просторно, что можно принять за отдельное жилище. К тому же работает кондиционер, чьё наличие помогает справиться с вернувшимся приступом тошноты.

Да, лучше буду сосредотачиваться на этом!

Или нет?

Да и как тут сосредоточиться, если...

– Буквально день назад я чуть не кончил в твою симпатичную ладошку, – сообщает на моё откровение встречно мужчина. – Думаю, этого вполне достаточно, чтобы окончательно перейти на “ты”.

Справедливое замечание. На котором я зависаю до такой степени, что далеко не сразу реагирую на последующее:

– Кай. Меня зовут Кай.

Разум подсовывает гипотетическую картинку из льдинок, разбитых в составлении слова “Вечность”, а на моих губах растягивается очередная бестолковая улыбка. Ничего сказочного и наивного в находящемся поблизости нет, но имя ему удивительно подходит. И да, алкоголь – зло! Потому что если бы во мне оставалась хотя бы капелька адекватности, я бы в дальнейшем как минимум спросила, куда он меня везёт, по какой причине вообще вновь передо мной появился, для чего и зачем забрал с собой. Но нет. Не спрашиваю. Оправдываю очередной свой опрометчивый поступок тем, что отказывайся – не отказывайся, всё равно своё возьмёт, судя хотя бы по тому, что он опять рядом со мной.

– А я – Эва, – вырывается из меня скорее машинально, нежели действительно осознанно. – Но ты и сам это знаешь, – добавляю поспешно, прогоняя из головы неуместные впечатления.

Всё о том же. Не о льдинках. Про его стояк и мою ладошку. Пальцы начинают почти неметь, будто бы нечто подобное может произойти в реальности, а не только вымышлено.

– Да, я помню, – отзывается собеседник.

Я снова улыбаюсь.

Глупо?

Ещё как, с учетом всего случившегося...

И словах Нины о том, что он может оказаться каким-нибудь маньяком.

А ещё...

– Как ты нашёл меня? – озадачиваюсь уже вслух.

– Ты умеешь задавать правильные вопросы, Эва, – комментирует мои слова.

И да, нагло не отвечает!

Ясное дело, вчерашняя слежка мне не кажется. Не понимаю лишь, как они потом все дальнейшее проворачивают.

Очевидно, кто-то довольно хорош в своём деле.

Спокойствия это совсем не добавляет...

Но и моё любопытство не унимает!

– Хочешь удостовериться, не сболтнула ли я кому-нибудь чего-нибудь лишнего? – говорю, как есть. – Не проболталась. Не думай.

Нина не в счёт. Да и не знает она реально ничего такого, что может его подставить или раскрыть. Я и сама толком не знаю ничего о нём, в конце концов. Хотя, похоже, Кай придерживается иного мнения. Зачем-то склоняется ко мне опасно близко.

– В этом я уже удостоверился, – произносит тихим вкрадчивым тоном и тянется к моей шее.

Или чуть выше. А на самом деле, вовсе к ремню безопасности. Ловко пристёгивая тот в должное положение, фиксируя. Но я сама это не сразу осознаю. Плюс, воображение то и дело усугубляет собственные впечатления, добавляя всё новые и новые, не всегда реальные и быточные. Вот и задерживаю дыхание в напряжении, едва его ладонь задевает моё плечо.

– Но мне интересно другое, – продолжает Кай, вернувшись к управлению транспортным средством. – Почему ты это сделала?

У меня в принципе странным образом в его присутствии мозги едут набекрень, а способность к аналитике подло отказывает, поэтому отвечаю не сразу. Сперва пытаюсь осмыслить, во что же я вляпываюсь. И да, его ранение, случившееся столкновение и недавнее происшествие в клубе совсем не причём.

Что со мной не так?!

Дикость...

– Если есть возможность протянуть кому-либо руку помощи, почему бы и нет? – отрываюсь запоздало. – Мне это практически ничего особенного не стоило... – не договариваю, напоказ беззаботно пожимая плечами.

Вновь вспоминаю о том, что не имею ни малейшего понятия о том, куда мы едем. Кажется, в сторону центра, не какой-нибудь окраины, и это дарит ощущение мнимой безопасности.

– К тому же, выглядел ты весьма паршиво. А мне совсем не хотелось возить в своей машине труп, – добавляю, больше не глядя на мужчину, уставившись в боковое окно.

И даже в таком положении всё равно кажется, что он улыбается на мои слова.

– А-а... – протягивает Кай. – Так дело вовсе не во мне. В тебе. Ты у нас с принципами, – подводит нехитрый итог на свой лад.

И снова я пожимаю плечами.

– Вроде того.

Угу, с принципами...

Следуя которым – вот так вот, здесь и сейчас.

Такие себе принципы, оказывается...

И всё равно!

– Спасибо, – произношу, так и не глядя на него.

Реально ведь помог мне сегодня...

Тошнота окончательно утихает. Тянет в сон. Глаза закрываются сами собой. И если он и отвечает, то я уже не слышу.

Глава 5

Эва

Новое утро начинается... неоднозначно. Всё-таки весь свой прежний осознанный возраст я просыпаюсь в одиночестве, и уж точно не с обогревателем в постели. Чужой. Такой же просторной, как и тесной одновременно. А обогреватель... Ладно, не совсем обогреватель. Мужчина. Здоровенный. Не обременённый одеждой. Такой горячий, что самой невыносимо жарко становится за какие-то считанные мгновения. А ведь даже почти не касаюсь, всего лишь утыкаюсь лбом в мускулистое плечо, венчанное забитыми в узоры чернилами под кожу.

Чуть на пол не сваливаюсь, когда это понимаю!

Слишком резко дёргаюсь назад от неожиданности...

И тут же замираю.

Не хватает ко всему прочему его разбудить!

Хорошо, Кай в самом деле не просыпается, пока я тихонечко отползаю от кровати всё дальше и дальше, спиной к выходу из спальни, также тихонечко радуясь тому, что мой прежний прикид, состоящий из шорт и футболки по-прежнему на мне.

И...

Ох, уж эти злополучные простыни!

Сперва та, что в операционной, а теперь и эта, которая как-то слишком скудно прикрывает всего лишь жалкую часть мужского бедра, подло сбившись под ним.

Вообще, насколько известно, утренний стояк – понятие весьма распространённое, нет в данном, пусть и пикантном обстоятельстве, ничего необычного, вот и... не стоит опять об этом думать!

Плохая примета.

В случае с ним и моим участием – однозначно!

Чувство дежавю буквально захлёстывает. Настолько интенсивно, что банально врезаюсь в попавшееся на пути кресло. Сама обстановка спальни выглядит минималистически спартанской, кроме кровати и этого самого одинокого кресла с высокой спинкой – нет ничего больше.

Чуть не взываю от пронзившей локоть боли!

В последний момент прикусываю себе язык и глотаю все напрашивающиеся по случившемуся поводу ругательства.

Мужчина по-прежнему спит...

А я что?

Я дальше капитулирую...

И очень стараюсь смотреть куда угодно, но только не на спящего!

Можно подумать, посмотреть больше не на что.

Тем более, что есть ведь на что!

Например...

Бинты, перетягивающие широкий торс. Они выглядят девственно чистыми, очевидно, свежее повязанные, а значит с полученным ранением всё обстоит не так ужасно, как мне представляется поначалу, и Имаи-сан в конечном итоге оказывается прав. К тому же, сам Кай нынешней ночью, выглядит очень даже бодрячком, раз уж даже до меня удосуживается добраться.

Вот только зачем это ему?

Так и не понимаю...

Озвученный накануне им же повод не выглядит таковым, если хорошенько об этом поразмыслить. Мог бы выбрать куда более подходящее время, чтобы обсудить степень моего альтруизма.

А может, всё дело в том, что мне самой хочется думать иначе?

Ведь даже с расстояния в половину комнаты, пока всё ещё тихонечко отползаю отсюда подальше, никак не могу отделаться от мысли, как же ярко и остро до сих пор ощущается то исходящее от него тепло, что каким-то невероятным образом просочилось в мои вены, а те же злосчастные бинты, на которых я стараюсь концентрироваться, несколько не преуменьшают степень заинтересованности другими частями тела брюнета. Тот же рельеф мужского пресса выглядит настолько заманчиво-соблазнительным, что кончики моих пальцев почти колет от желания прекращать увеличи-

вать расстояние между нами, а затем как можно скорее дотянуться и узнать, насколько он в самом деле твёрдый, и...

Да, млять!

Когда я становлюсь настолько озабоченной?

И когда уже эта спальня закончится...

Какого черта я вообще здесь делаю?!

И где это – здесь?

Стоит, наконец, преодолеть порог комнаты, аккуратно сперва приоткрыв, а затем и притворив за собой дверь, как становится более-менее понятно. В том плане, что “где” – местоположение того же нашего родного города. Открывшийся сквозь панорамные окна обзор на расположенные в центре небоскрёбы, виднеющиеся с высоты ничуть не меньшей, тому самое прямое подтверждение. Ни черта ведь не помню, с момента, как вырубаясь в машине, везущей... очевидно, сюда. Это самое “здесь” и “сюда”, к слову, тоже выглядит весьма воодушевляюще. Двухуровневые апартаменты, вопреки всем моим домыслам о хозяине дома, совсем иные, нежели я могу себе представить. Интерьер совсем не тяжёлый, стены из светлого камня добавляют дополнительного простора немалому пространству, количество перегородок и мебели – минимальное, но имеется всё необходимое для комфортного проживания, даже не холостяка, а целой семьи.

Хм...

А семья у него есть? Какая?

Нет, не потому что мне интересно, в плане какого-нибудь ближайшего будущего, просто не хотелось бы столкнуться с кем-либо из них прямо сейчас, когда я в таком виде, непонятно откуда и по какому поводу взялась.

Всё ещё аккуратно ползу...

Зачем?

Идиотизм какой-то!

Поднимаюсь на ноги. Прислушиваюсь к окружающему. Тишина прибавляет смелости. По лестнице спускаюсь, как нормальный человек, а не преступница, пробравшаяся в чужой дом.

Уверенно продвигаюсь к выходу...

Совсем не намереваюсь здесь задерживаться и секунды лишней, правда малодушно замираю, заметив внушительной комплектации кофемашину, встроенную чуть левее от кухонной плиты. Зажмуриваюсь. Слишком уж манит образ того, каким вкусным будет кофе, который я могу заполучить в ближайшую минутку-другую. Его же могу преподнести в качестве благодарности Каю за то, что не позволил влипнуть в неприятности на мою бедовую пьяную голову. Убёрег. И чем только думаю, когда прусь в тот клуб? Понятное дело, не головой... И да, я ж вроде как домой собираюсь! А не вот это вот всё, надуманное. Вот и пойду.

Сделав над собой очередное усилие, в самом деле иду...

Правда, и на этот раз недалеко ухожу.

Уже не по собственной инициативе. Просто выход в этом,

очевидно, пентхаусе – один единственный, он же – створы лифта, никакой тебе лестницы или чего-нибудь в таком же духе, попроще.

А кнопочка заветная никак не загорается...

Зато рядом с ней располагается электронная панель, к которой, судя по всему, требуется приложить ключ-карту.

Которой у меня, естественно, нет!

Вот же...

Засада.

Но где наша не пропадала?

Риторический вопрос. Озвучив самой себе же который я, вдохнув поглубже, сперва провожу беглый осмотр имеющегося вокруг, а когда удостоверяюсь, что заветного найти не удаётся, всё же решаюсь вернуться к хозяину жилища.

Ну, как, вернуться...

Крадусь обратно в его спальню.

Естественно, совсем не для того, чтобы у него спросить!

Если где и должны быть вещи, в которых он вчера был одет, так точно в примыкающей к спальне ванной комнате, или же гардеробной. Куда-то же он засовывает эту ключ-карту, которой сам явно воспользовался, чтобы мы оказались здесь, с учётом того, что, кроме бинтовой повязки и щедрых физиологических данных, при нём ничегошеньки теперь не имеется.

Жаль, успешно исполненное проникновение в нужные помещения приводят к тому же итогу. И если ванная – она

же душевая с совмещённым санузлом, стерильно чиста, да и само помещение небольшое, обыск занимает не такое уж и большое количество времени, то гардеробная у мужчины выглядит настолько впечатляюще, что я невольно зависаю, неосознанно пересчитывая количество белых рубашек и пи-джаков, дотошно симметрично расположенных на вешалках.

И опять я не о том думаю!

Как и искомое не нахожу.

А значит...

Срочно нужно придумать что-нибудь ещё!

Или получше его вещи вчерашние поискать...

Их же тоже так и не нахожу.

И всё лишь потому, что кое-кто, попросту не обременяет себя тем, чтобы снятые с себя вещи куда-либо убрать, и они банально валяются с той стороны кровати, к которой прежде я не рискую подходить. Слишком уж опасно близко к мужчине.

Но да, я вынуждена и это преодолеть...

Осознаю последнее, вместе со своей уже почти неожиданной находкой, когда совсем отчаиваюсь и почти решаюсь его разбудить.

Хоть в чём-то мне везёт!

Или нет...

Потому что стоит всего лишь чуть-чуть порадоваться скорой победе в этом нелёгком побеге и склониться над мужскими брюками, как моё избирательное невезение вновь напо-

минает о себе, вместе с моими непослушными рыжими локонами, что самым предательским образом сваливаются на чужое плечо.

Замираю. Не дышу вовсе. Проклинаю себя и свою неосторожность на все известные и попутно придуманные лады. Вместе с тем, как сам мужчина наоборот, вдыхает глубоко и шумно, а затем и вовсе подаётся навстречу. В разуме вспыхивает очередная паника. Всё-таки не каждый день меня застают на месте преступления, когда я впервые в жизни решаю что-нибудь украсть. Слишком уж отчётливо я вспоминаю, как вот так же, когда он сперва в несознанке и я подозрительно близко, а потом он резко приходит в себя, перехватывая мою руку. Только на этот раз, кажется, стальная хватка сомкнется на моём горле, ни вдохнуть, ни выдохнуть, слишком уж реакция у него скорая на расправу.

Всё, мне однозначно хана!

Или же пить надо меньше, тогда и похмелье пройдёт быстрее, а воображение не будет играть такие злые шутки, дорисовывая то, чего в реальности не существует.

Мужчина всего лишь переворачивается, продолжая спать...

Вместе с моими застрявшими под его плечом волосами!

И вот я, в полунаклонной позе, всё ещё опасаюсь дышать и вообще шевелиться, в то время, как в лёгких начинает досадно печь от недостатка кислорода.

Ну что за?..

Едва не взываю в голос от такой несправедливости!

Останавливает эту новую степень моего отчаяния лишь то, что тогда уж точно его разбужу, а сам Кай при всём при этом застанет очередную тупейшую непристойность в моём исполнении, потом никаким интересом к его татуировкам не отделаешься.

Ну, вот чего мне там, на нижнем этаже спокойно кофе не варился? Глядишь, проснулся бы сам хозяин дома, я бы ему завтрак приготовила, и возможно, мы, как нормальная парочка после случайной совместной ночи потом просто-напросто разошлись бы своими дорогами.

А теперь...

А что теперь?

Не сдаваться же, когда остаётся всего ничего до финиша?

Разумеется, нет.

Тем более, что опозориться ещё больше, чем уже исполняю, вряд ли доведётся.

Вдох...

Выдох.

Аккуратно вытаскиваю из-под крепкого плеча попавшие в плен локоны и всё-таки утаскиваю вместе с собой из спальни подобранные рубашку и брюки. Никаких моральных сил и духа не сохраняется, чтоб обыск вещей там же, при нём проводить.

И да, все мои страдания окупаются!

Ключ-карта находится в правом кармане брюк. Их я вме-

сте с рубашкой оставляю перекинутыми поверх лестничного ограждения. Даже грана смелости вернуться в спальню и вернуть на место, где беру, не нахожу, вот и оставляю, как приходится. Немного погодя, когда, наконец, удаётся вызвать лифт, а затем нажать на кнопку первого этажа, саму ключ-карту тоже решаю её обладателю вернуть. В последний момент, когда створы лифта закрываются, вышвыриваю её через вскоре исчезнувшую щель.

Впору гордиться собой...

Дальше – намного проще. Рассветный город ещё не совсем просыпается, пока я бреду знакомыми улочками. Нет, не прямиком домой. Сперва к Нине. Очень уж хочется ту самую чашку вкусного терпкого кофе и как минимум сменить одежду, желательно в тишине и одиночестве, хватит с меня на сегодняшнее утро впечатлений, а ими Мария меня обязательно одарит с лихвой, если в такое время и в таком виде заявлюсь.

Подруга – не такая ранняя пташка, как я, привыкшая вставать за все годы упорной учёбы спозаранку, и после наших ночных приключений всё ещё спит. Меня впускает бдящий в любое время суток консьерж, спасибо ему за его существование.

Квартира хранит тишину. После приёма контрастного душа я выпиваю сразу три эспрессо, сидя на широком подоконнике, наблюдая с высоты шестнадцатого этажа за панорамой уже проснувшегося города, когда всё-таки решаюсь заново

обсудить с папой вчерашнюю тему моего будущего замужества.

Не по телефону, разумеется...

Собираюсь и покидаю жилище Нины, оставив той записку, которую приклеиваю к зеркалу в уборной, обещая позвонить вечером.

Только, как ещё один пункт к списку текущих дел на сегодня, сперва машину в ремонт отгоню...

Или нет.

Ведь то самое место на парковке, где я оставляю свою драгоценность вчерашним днём – совершенно пустое.

– Да твою ж... мать! – срывается с моих губ, полное досады.

Не хватает мне в жизни приключений, можно подумать.

Теперь ещё и...

– Твою тачку не угнали. Эвакуатор забрал. Полчаса назад. В сервис увёз, – доносится из-за моей спины.

Вздрагиваю. Просто потому, что прекрасно знаю, кому принадлежит этот голос. Как не узнать? Пробирает до самых глубин сознания, словно невидимые струны задевает.

Разворачиваюсь. И очень стараюсь удержать в должном положении отвисшую от удивления челюсть.

Я же его часа полтора или два назад покинула...

И чего ему не спится, спрашивается?!

Глава 6

Эва

– Зачем?

Зачем... снова пришёл? Тогда, когда я прилагаю столько усилий, чтобы сбежать от тебя. Зачем... снова появляешься в моей жизни? Тогда, когда я едва обретаю равновесие после своих необоснованных и нелепых подвигов, посвящённых тебе. Зачем... мы вообще встретились? Понятно ведь, что лучше бы и не стоило. И ещё десяток “Зачем” крутится в моей голове, подобно заезженной пластинке. Но вслух конечно же, я задаю вопрос лишь о том, зачем он заботится о судьбе моей битой машины.

Ничего такого ведь не прошу.

А он явно не из тех, кто страдает благородством.

Или я ошибаюсь?

Снова...

– Отремонтируют, – пожимает плечом Кай, озвучивая очевидное. – К вечеру как новенькая будет.

На нём снова белая рубашка. Не та, что вчера. Другая. Должно быть, из числа тех, которых я недавно касалась, пока исследовала чужую гардеробную в своих злополучных по-

исках. За его спиной возвышается тот самый внедорожник, участвующий в нашей совместной аварии и увёзший меня этой ночью из клуба. Разве что ни следа от самого столкновения. А ещё гостеприимно распахнута дверца со стороны переднего пассажирского кресла.

– Я ничего такого не просила, – прищуриваюсь, озвучивая вслух одну из своих былых мыслей.

– Я знаю, – соглашается брюнет. – Я сам так решил.

Что я там по поводу его вероятного благородства думала?

Нечто глубоко внутри навязчиво подсказывает: спорить и настаивать нет смысла, он не поясняет свою точку зрения, констатирует случившийся факт. И его благородство тут совершенно не причём. Вот и не спорю.

– Спасибо, – отзываюсь из вежливости. – Где я могу её забрать?

На его губах расцветает насмешка.

– Вместе заберём. Вечером, как и сказал. После того, как прогуляешься со мной немного. По городу. Обсудим... например то, как шумно ты топаешь.

Похоже на приглашение.

Своеобразное.

Но я об этом быстро забывают. Щёки в один момент буквально пылают после его последней фразы.

Ну, нет!

Он ведь не мог притворяться спящим?

Чтобы позабавиться за мой счёт...

Или именно так и сделал?

Вот же...

До какой же степени стыдно становится!

– А если откажусь? – не могу не спросить в свете своих вспыхнувших догадок.

Прежнее расстояние в три шага между нами исчезает.

– Ты не можешь, – подходит вплотную ко мне мужчина. – Твоя тачка у меня в гарантийном залоге. Забыла?

То ли шутит. То ли нет. Ни намёка на улыбку или ту же насмешку. Выглядит вполне серьёзным. Даже жутко становится на мгновение, за которое я невольно отшатываюсь. А он опять близко. Ловит меня за руку. Не просто удерживает около себя. Большим пальцем ласково проводит в районе между моим большим и указательным по внешней стороне ладони. Очень коварный поступок с его стороны. Ведь мне это неожиданно нравится. Даже слишком. Зависаю на этом простом действии.

– Ну же, Эва... – пользуется моей случившейся заминкой собеседник, не менее коварно подталкивая в сторону машины.

Гостеприимно распахнутая дверца остаётся таковой. Водитель задумчиво склоняет голову, разглядывая меня с головы до ног, раз уж я всё равно не тороплюсь исполнять его волю.

Почему?

Ну, почему, я упираюсь?

Когда на самом деле хочется именно этого...

Подчиниться.

И вообще не думать больше.

Нельзя столь опрометчиво терять голову...

Взмах рукой в безмолвном жесте повторно приглашает залезть в салон внедорожника. И да, по всей видимости, я конечная авантюристка, или же совсем бестолковая, ведь, после минутного промедления, всё-таки забираюсь внутрь здорового автомобиля, вопреки внутреннему раздраю. И почти сразу вздрагиваю от неожиданности, когда вслед за моими действиями на мои колени брошен белый увесистый конверт.

– Что это? – кохусь опасливо.

Упакованное в бумагу – неизвестное и в то же время нет. Слишком уж напоминает то, что вчера я самолично вручила Имаи-сану. К тому же собеседник не спешит отвечать на мой вопрос. Сперва заботливо пристёгивает меня ремнём безопасности, будто не слышит, а после захлопывает дверцу с моей стороны, обходит автомобиль с капота и устраивается за рулём.

Внедорожник срывается с места в считанные мгновения...

Сидящий сбоку от меня по-прежнему молчит, сосредоточившись на дороге. Приходится лично убеждаться в своей правоте. Внутри – действительно деньги. И именно те, которые я снимала в банкомате: совпадает номинал, да и внеш-

ний вид в целом. Хотя всегда остаётся вероятность простого сходства. Вот и приходится уточнять:

– Ты возвращался к хирургу?

И не только возвращался...

Вот и причина его сегодняшнего появления!

Скорее всего и предыдущего – также...

А если бы я не была настолько в неадеквате, что даже сбежала, ещё бы накануне всё закончилось.

И да, не собираюсь бросаться обвинениями или что-то в этом роде, но, вопреки внутренней установке, мой голос звучит слишком искусственным и далёким от нейтрального, слишком уж цепляют собственные нерадостные мысли. Это замечаю не я одна.

– Разумеется, – одаривает меня снисходительно-мрачной насмешкой Кай.

И... всё!

Что лично меня, естественно, совсем не устраивает.

– А потом?.. – подталкиваю его к продолжению.

– А что потом? Ничего из того, что ты успела себе напредставлять, судя по твоему затравленному виду, ангелочек. Зашёл. Поблагодарил за помощь. Заодно узнал, сколько ты заплатила за оказанные услуги. Он ответил, – кивает на лежащий на моих коленях конверт. – Я не из тех, кто предпочитает быть на содержании. Сам в состоянии расплатиться. И расплатился.

В любой другой ситуации это могло бы меня успокоить.

Но не после выбранного им обращения!

Меня таким образом называет лишь отец, да ещё несколько человек – их по пальцам пересчитать можно, опять же с его подачи, в том числе Имаи-сан. А значит, не только расплатился. Расспрашивал обо мне. Ладони аж зазудели, до такой степени сильно захотелось позвонить и сейчас же выяснить, что ему наболтал старик. Это тоже не остаётся незамеченным пронизательным незнакомцем.

– Да не паникуй ты так. Ты сделала мне добро. Я отвечу тебе тем же. Ничего плохого с тобой не случится, обещаю, – произносит, выворачивая руль на перекрёстке.

Всё-таки не в центр. Не доезжаем мы до него несколько кварталов. Этот путь ведёт к побережью. А я очень стараюсь дышать глубже и перестать нервничать, призывая себя поверить услышанному. В конце концов, в это время года побережье – место многолюдное, не менее, чем тот же центр города. Не в лес прикапывать везёт, и то хорошо. Да и хотел бы избавиться, давно и иначе бы всё сделал, не разместил бы в собственной квартире на ночь со всем комфортом, к тому же в своей же постели.

Про постель, кстати, совершенно напрасно я вспоминаю!

Стоит об этом задуматься, как перед глазами всплывает жутко неудобная картинка с моим участием, где я склоняюсь над притворяющимся спящим обнажённым мужчиной, а у него очевидно, очень крепким оказывается не только утренний стояк, но и вся его выдержка в принципе, раз позволя-

ет мне оттуда безнаказанно уйти, к тому же без уязвлённой гордости. Ещё бы не комментировал потом, вообще бы была красота.

Но что уж теперь...

И всё-таки не могу не спросить:

– Когда ты проснулся?

Спрашиваю и тут же проклиная себя за болтливость.

Вот чего мне стоит промолчать?

Ничего.

Сама себя в угол загоняю...

А так не болтала бы лишнего, он бы может тоже не стал бы об этом больше вспоминать. Но нет же. Сказанного теперь не вернёшь.

Хорошо, из нас двоих, у него мозгов побольше!

– Уверен, ты не хочешь на самом деле знать ответ на этот вопрос, – невозмутимо отзывается Кай.

А я...

Я почти восхищаюсь им!

Как минимум в качестве благодарности за то, что увёл разговор от столь щепетильной затронутой мной темы.

Правда, ровно до следующего момента:

– Вчерашним утром, в том районе, где мы с тобой впервые встретились, у меня была сделка. Ничего криминального или мафиозного, обычная купля-продажа вполне легальной, заурядной и скучной коммерции, – снова поворачивает руль, а машина съезжает с асфальтированной дороги. – Но один

из тех, с кем я входил в долю, решил, что прибыль должна остаться ему одному, а затем шмальнул в меня, таким образом почти избавившись. И избавился бы, скорее всего, если бы не ты. Едва ли я был в состоянии сам о себе позаботиться.

Совсем не о таком я рассчитываю поговорить, при смене направления разговора, наверное, потому и смотрю на него шокировано, далеко не сразу находясь с ответными словами.

– В таком случае тебе стоит лучше подбирать себе партнёров по бизнесу, – комментирую услышанное.

– Если учесть, что я сам собирался его кинуть первым, не совсем-то он и не прав, – неожиданно добродушно хмыкает Кай.

А у меня лицо снова вытягивается от изумления по поводу услышанного.

Всё-таки угораздило меня...

Связаться.

М-да уж...

Но да ладно!

И не такое уже случалось...

Вслух же:

– Твои татуировки, – вновь меняю тему разговора. – Что они значат?

Теперь настаёт его очередь удивляться.

– Разве я тебе не рассказал? – забавно хмурится.

А я невольно улыбаюсь, глядя на него.

– Рассказал, – соглашаюсь. – Но интерпретировать можно

по-разному. Тут явно несколько смыслов сразу, – поясняю. – И вот что мне интересно: какой из них – твой?

Вероятно, я натыкаюсь на слишком личную грань. Но проще интересоваться чем-то эдаким, нежели вспоминать остальное.

Ничего иного придумать всё равно не удаётся!

– Хм... – не спешит делиться Кай.

Внедорожник проезжает ещё полмили, а затем останавливается на специальной парковке. Мы, и правда, приезжаем к береговой линии.

Впереди виднеется песчаный пляж, с накатывающими лёгкими волнами. Народа, несмотря на предобеденное утро, собирается предостаточно. И даже внутри раскинутых чуть вдалеке высоких светлых шатрах, служащих убежищем для посетителей летнего кафе – совсем не пусто, оттуда доносится весёлая шумиха.

Я отвлекаюсь на развернувшийся пейзаж, и немного медлю с отстёгиванием ремня безопасности. Водитель успевает выбраться на улицу, обойти машину, а я только тянусь к замку затвора. Да и то не дотягиваюсь. Дверца с моей стороны широко распахивается и с незамысловатым действием мне услужливо помогают. А я обманываю себя этим обходительным манёвром, наивно задумываясь о том, что всё-таки рада оказаться здесь, с таким мужчиной.

– Жизнь одинаково жестока ко всем, – произносит Кай, протянув мне руку и развернув ладонь внутренней стороной

вверх в приглашающем жесте. – Без исключений.

Увлёкшись собственными мыслями, не сразу понимаю, о чём это он. С его помощью выбираюсь из машины. Вдыхаю свежий морской воздух полной грудью, отворачиваясь от своего спутника.

– А ты пессимист, – наконец, реагирую на его интерпретацию и заявленный смысл вбитой чернилами под кожу фразы.

– Не оптимист, как ты, – по-своему соглашается мужчина, как и я недавно, придирчиво оглядывая округу. – Скорее реалист.

Моего мнения не спрашивает. Мы направляемся к шатрам. Там – относительная тень и превосходно работающий климат-контроль, поэтому его выбор не оспариваю, хотя всё равно становится немного неловко, едва усаживаемся за отдалённо стоящий столик, оказавшись друг напротив друга.

– И так, Эва... – сцепляет ладони в замок, уложив их на край стола, пристально разглядывая меня, как под микроскопом. – Что ещё мне следует о тебе знать?

Звучит так, словно мы на каком-нибудь грёбанном свидании вслепую, а моя задача преподнести себя будущему уха-жёру в самом лучшем свете, считай – продать подороже. И вот зря я про подобное вспоминаю, потому что ни с того, ни с сего вдруг:

– Я выхожу замуж. Скоро.

Ментальный пинок за то, как может выглядеть со сторо-

ны подобное неосторожное высказывание, только добавляет диссонанса в мои мысли: та, кто вскоре собирается выйти замуж, не ходит на прогулки с другим мужчиной. И уж точно не шляется по клубам в далеко не трезвом виде. Самое обидное, Кай никак не реагирует. Не смотрит на меня, как на падшую женщину или какую-нибудь изменницу. Отворачивается. Смотрит вдаль, где беснуются морские волны. Ему совершенно точно всё равно. В отличие от меня. Той, кто моментально заикливается на этом.

– Лучше что-нибудь другое давай обсудим, – предлагаю торопливо. – Раз уж мы всё равно здесь... – ворчу себе под нос.

Чужие губы трогает небрежная ухмылка.

– Моя жизнь скучна и однообразна. Была. Пока в ней не появилась ты, – проговаривает с проскользнувшим сарказмом.

В разуме всплывает слоган знаменитой рекламы, очень схожий с тем, о чём он говорит, и я борюсь с собой, дабы не рассмеяться в ответ. К тому же, дальше совсем не смешно:

– И давно ты влюблена? – вдруг интересуется Кай. – Какой он, этот твой скоро-выйду-за-него-замуж? – склоняет голову и зачем-то пристально вглядывается в морской горизонт. – Только не говори, что он – тот самый, которого мы вчера оставили валяться на полу у бара...

Невольно морщусь. Сперва из-за упомянутого Джозефа. И в общем – тоже. Где-то здесь грань “слишком личного”

вновь приближается, только в обратном направлении. Вовсе не обязательно её стирать или поддаваться. С другой стороны, сам мужчина на мой вопрос о татуировках отвечает честно, как бы то ни было, не упирается, так что вероятнее всего и мне стоит ответить ему тем же. К тому же, кому ещё я могу поплакаться о своей “горькой” судьбе, как не тому, кого вижу в своей жизни в последний раз? Неспроста же считается, что постороннему всегда легче душу излить.

– Нет. Не он. Я своего жениха ещё не видела. Так отец решил.

Вот теперь он всё своё внимание снова на мне сосредотачивает. Смотрит до того тошнотворно изучающе, словно я не на обычном плетеном из ротанга стуле за пока ещё пустым столом сижу, как минимум – на полиграфе, а он за честность моих показаний радеет и отвечает.

– Договорной брак? – совсем не удивлён, да и не спрашивает.

Утверждает. Как данность.

– Средневековье покинуло в этом мире ещё не всех. Вот такое вот клише в моих венах, – развожу руками, пожимая плечом.

Продолжение разговора немного откладывается. К нам подходит официант. Он самозабвенно перечисляет все фирменные блюда, которые заведение готово подать, и советует попробовать новые коктейли, авторства местного бармена. Кай отказывается от всего, заказывает лишь воду и чашку

двойного эспрессо без сахара. А пока я мучаюсь своим выбором, на фоне скупых пожеланий сидящего напротив, он и за меня решает. Десерт с шоколадом, апельсиновый фреш, и ещё одна порция воды.

– Вряд ли у них тут есть ещё что-либо съедобное. Я тут не в первый раз, – поясняет свой выбор для меня, как только официант покидает нас.

Молча киваю. Смысл спорить? Вот и молчу. А весь наш заказ оказывается перед нами в считанные минуты.

– Так что там с этим твоим скоро-выйду-за-него-замуж, которого ты ещё не видела? – возвращается к былому Кай.

– Ничего, – заново пожимаю плечами. – В самом деле не видела. Даже не имею ни малейшего понятия, как его зовут, если честно, – признаюсь и в этом. – Но замуж выйду. Если, конечно, не сумею вовремя переубедить отца.

Тяжёлый взор, сканирующий меня всё это время, ощущается ещё более тёмным и тяжёлым, если такое вообще возможно.

– Ты не похожа на ту, кто покорно согласится с уготованной участью, что бы то ни служило причиной, – слегка прищуривается в подозрении мужчина. – Проблем с деньгами у вас нет, это я уже понял, иначе бы ты не бросалась столь широкими и затратными жестами, – припоминает конверт, который я оставляю на переднем пассажирском сиденье его машины, прежде чем мы оказываемся здесь. – Тогда почему? Выгодная сделка? Увеличение семейного капи-

тала? Шантаж? Жадность? Безысходность? – выдвигает одну гипотезу за другой.

А я...

Я и сама не знаю!

Не спросила же у папы.

Психанула и сбежала.

А теперь...

Вот тут, с ним сижу.

С губ срывается нервный смешок.

– Я совсем недавно получила диплом. Закончила на год раньше. Очень старалась, чтобы оправдать папино доверие. Но до своих рабочих дел он меня всё равно не допускает, поэтому, что пальцем в небо: сказать наверняка не смогу, даже если попытаюсь, – криво усмехаюсь, пряча за этим жестом всю напрашивающуюся наружу горечь. – И, хотя ты прав, я не такого уж кроткого нрава, если в голову стукнет, скорее сбегу или найду управу, чем подчинюсь и прогнусь под кого попало, но... – на моих губах застывает та же горечь, стоит подумать о следующем: – Папа – он у меня один. Кроме меня у него никого в действительности нет. Вот такая мы семья – он и я. Всё. Мама давно умерла. Покончила с собой. И такое предательство с моей стороны он вряд ли вынесет. Он долго приходил в себя после маминых похорон. Я не могу настолько жестоко поступить с ним, бросив его в угоду себе.

И что-то я слишком разболталась, вот да...

Лучше буду есть то, что он для меня заказал!

Тем и занимаю себя последующие минуты, пока мужчина размышляет над моими откровениями. А затем и сам делится:

– Я вырос в детском доме. Тоже был маленьким, когда погибли мои родители, – становится мне новым откровением.

Не таким длинным, как мои, но даже двух скупых фраз вполне хватает, чтоб они задели мой разум. И остались где-то глубоко-глубоко внутри. Жалость? Нет, тот, кто передо мной, не нуждается в жалости. Такое для него скорее оскорбление, нежели благодетель. Но что тогда? Не знаю. Но нечто важное. И сама не могу определить. Возможно, то самое восхищение. Его стойкостью. И внутренней силой. Всё-таки детство у него явно не из простых.

Последующее молчание кажется особенно затянувшимся. Начинает действовать на нервы. Нарушаю его в своём стиле. Решительно поднимаюсь на ноги. А на встречно приподнятую бровь в немом вопросе бросаю наигранно беззаботно:

– Мне здесь надоело, – хватаю мужчину за руку.

Направление – пляж. Правда, приходится немного повременить со быстрым побегом ближе к морским волнам, пока один из нас расплачивается за заказанное прежде. Не я, конечно. Оставляю это на него. Может, у нас и никакого не свидание, но раз уж он такой инициативный в денежном вопросе, пусть так. К тому же, отвлекаюсь на иное. Расшнуровываю свои кеды, которые подхватываю свободной рукой.

– Что ты делаешь? – озадачивается Кай, обратив внима-

ние на содеянное мной.

Широко и нахально улыбаюсь ему в ответ, откровенно наслаждаясь тем, как чувствуется горячий мелкий песок под моими босыми ступнями, когда я ступаю на него.

– А на что это похоже? – бросаю встречно.

Брюнет настороженно следит за мной и тоже едва уловимо, но всё же улыбается, хотя явно не понимает. А мне и этого мало.

– Ну, чего так смотришь? – возмущаюсь. – Давай-давай, тоже снимай, – предлагаю с озорной насмешкой.

Судя по тому, как застывает его улыбка, разделять со мной такие сомнительные развлечения мужчина не собирается. По крайней мере, не так сразу. Но я не сдаюсь. И в самом деле заставляю его снять ботинки, а затем и носки. Потом и вовсе едва сдерживаю рвущийся наружу смешок, глядя за тем, как он осторожно и с явной опаской повторяет мой пример, аккуратно ступая по песку: каждый шаг, как по минному полю.

– Штаны надо закатать, – со знающим видом, сквозь очередной смешок, советую я ему.

Он смотрит на меня, словно я схожу с ума и предлагаю ему сделать то же самое – это веселит больше прежнего. Не всё ему меня одну смущать.

– Да-да, – киваю неоднократно.

Кай неохотно, но всё же подчиняется. Затем я и вовсе тащу его за собой, почти бегом, в конце концов, он всё-таки

сдаётся и просто следует за мной. Мой энтузиазм на этом не заканчивается. На пляже мы проводим несколько часов. Даже удаётся вытащить из него о том, что за деятельность у него такая, что приходится совершать сомнительные сделки. Работа в самом деле оказывается вполне заурядной, не только законной и налогооблагаемой. Мужчина занимается аукционным брокерством, скупает близкие к грани банкротства предприятия и их имущество. Не совсем вникаю во все сопутствующие детали, но дело – выгодное, хотя зачастую и рискованное, это я хорошенько себе усваиваю. Дабы убедиться в последнем, я задаю немало вопросов. А пока он на них отвечает, внимательно слушаю и снова невольно улыбаюсь, подставляя лицо морскому бризу, довольствуясь не столько потоком новой полезной информации, сколько больше пробирающим до глубины души тембром мужского голоса.

Так бы и слушала, и слушала...

Настолько забываюсь в нём, что почти тону.

Нет, не в море. В подсчёте времени.

А утекает оно подозрительно быстро.

И даже слишком!

Близится вечер, когда наше условное единение нарушено входящим от его приятеля. Моя машина готова. Можно забирать.

Глава 7

Эва

Мастерская по ремонту машин находится почти на самой окраине города. И если побережье выглядит вполне безопасным местом для встреч даже в малознакомой компании, то к вечеру я малодушно принимаю и эту поездку, как данность.

Беспечно?

Опрометчиво.

Наивно?

Возможно.

Но последние часы, проведённые с Каем, дарят мнимое ощущение безопасности, которым я оправдываю очередную свою неосторожность.

Улочки старого района – полупустые, частично заброшенные, узкие. Я помню об их атмосфере ровно до момента, пока внедорожник движется по ним с минимальной скоростью. Свернув через проулок с кирпично-выстроенной аркой, машина останавливается посреди двора, с другой стороны которого располагаются подъёмные ворота в ремонтный ангар – они закрыты, а моя машина дожидается перед ними. Как и в случае с автомобилем Кая, ни следа от вче-

рашной аварии на ней не остаётся. Впрочем, широта и простор обзора – не такие уж и полные. Их перекрывает стоящий перед капотом бронеет. Неподалёку – ещё одна машина. Я уже видела прежде – и его самого, и стального коня чёрного цвета, который следовал за мной несколько кварталов, после того, как я покинула хирурга и пациента с огнестрельным. Со скучающим видом, тот, чьё имя я пока не знаю, наблюдает за нашим приближением, изредка подбрасывая в воздухе брелок с автомобильным ключом. Как оказывается впоследствии, от... моей машины. Хотя мой комплект – он же единственный, в моих руках.

– Сигналку пришлось вскрыть, поэтому заменили, – отпускает ленивым комментарием он, протянув мне брелок, выдерживает небольшую паузу, а затем небрежно добавляет с лёгкой насмешкой: – Салют, Эва.

Тянусь ему навстречу, чтобы забрать ключ, в качестве ответного приветствия выдавив из себя благодарную улыбку, но забрать нужное не удаётся. Кай – быстрее. И если я сама ориентируюсь в происходящем не столь расторопно, то...

– Адем, – мрачно произносит мой сопровождающий.

Слух цепляет не столь само имя – произношение. Непривычное [А`дэм] с паузой между первой гласной и вторым слогом выдаёт в стоящем напротив иностранное происхождение. Тёмные волосы, плотная щетина на скулах и подбородке, взор – чернее ночи, нос с лёгкой горбинкой, широкие скулы и оливковый загар: мужчина не особо похож на того

же араба или иранца, но определённо имеет нечто восточное в своих генах.

– Да помню я, помню, – примирительно поднимает ладони в жесте капитуляции Адем, едва Кай забирает ключ. – Даже и не думал лезть к “хорошей девочке” Эве, – добавляет с сарказмом.

Хорошая девочка в моём лице закономерно тушуетя от такого обращения и упоминания. Словно у этих двоих (или даже троих, если вспомнить того же Айзека, которого сейчас нет поблизости), состоялся какой-то особенный разговор на мой счёт. Вдвойне неудобно становится после того, как эти двое обмениваются многозначительными – только им одним понятными взглядами, не говоря вслух больше ни слова. Благо, на этом всё наше совместное общение заканчивается. Адем теряет все остатки проявленного интереса и садится в свою машину. Правда, прежде чем уехать, скупо бросает напоследок для Кая:

– Ты едешь?

– Да. За тобой.

Адем кивает, принимая ответ друга. Дверца с его стороны закрывается. Он уезжает, только пыль из-под колёс летит, с такой резкой скоростью срывается с места внедорожник. С учётом последнего, Кай здесь тоже надолго не задержится, а я...

Мне мою машину вернули, соответственно, никаких проблем, чтоб тоже покинуть это место, не возникает, ведь так?

Я ему помогла. Он всё возместил. И даже с лихвой. Нас ничего уже не связывает. Квиты. Если рассуждать логично – никак иначе.

Но дружить с логичными рассуждениями у меня в последние два дня совсем не получается... нечто внутри предательски сжимается при мысли о том, что я вижу своего нового знакомого, вероятнее всего, в последний раз. А ведь ещё какие-то сутки назад с облегчением перекрестилась бы от одной лишь мысли о подобном.

Тогда почему?

Внезапно жаль.

Точно с ума схожу!

И уж наверняка – в действительности, не только в своей голове, ведь, вместо того, чтобы развернуться к собственной машине и ехать домой, куда давно пора вернуться, я зачем-то упорно рассматриваю трещины на асфальте под своими ногами.

– Мне пора, – озвучивает вполне очевидное Кай.

– Угу, – соглашаюсь.

И едва сдерживаюсь, прикусив себе язык, дабы не добавить что-нибудь нелепое в духе: “Увидимся ещё” или “До встречи”.

Когда я вдруг резко тупею до такой степени?

Спрашивается...

А стоит всё-таки развернуться ближе к своей машине:

– Эва, – окликает Кай.

Моё имя звучит из его уст, как нечто чрезвычайно подлое – беспощадный удар под дых, за раз выбивает кислород из лёгких.

– М-м?

– Ключ от машины. Ты забыла.

Будто невидимым арканом тянет обратно. И если мужской голос, что до сих пор предательски звучит в моей голове, путает мысли и уничтожает всё здоровое, то прикосновение пальцев к мужской ладони – искра тока. Вспыхивает. Обжигает. Моментально впитывается под кожу. Разливается по венам, как самый смертельный яд. Не избавишься. Всё. Приговор. Мой. Безоговорочный. Невозможно не подчиниться. И я подчиняюсь. Ведомая. Собственным порывом. Сжимаю не брелок – всю его ладонь, накрывая своей поверху, впервые за сегодняшний день прикасаясь к мужчине по собственной инициативе, наверное, именно поэтому содеянное ощущается настолько контрастно, ярко и остро. Обхватываю в меру своих сил. Тянусь ещё ближе. Прижимаюсь своими губами к чужим губам, что когда-то так безнравственно и соблазнительно шептали мне все те непристойности, что позже зародились в моей голове и никак не избавишься от них больше. Всего лишь на краткое мгновение фиксирую случившийся контакт. Просто для того, чтобы узнать и запомнить – каково это, когда так немислимо и невообразимо необходимо чувствовать кого-то ещё, и совсем неважно, что будет потом.

– Спасибо за сегодняшний день. За... всё, – роняю тихо.

Себе ли в оправдание за содеянное, или же для него.

Не важно.

Думаю ли я в этот момент о последствиях?

Однозначно нет.

Но понимаю, на что иду, лишь после того, как мозолистая ладонь, за которую хватаюсь, ответно сжимает мою. Гораздо крепче, нежели я сама. Не оставляя возможности закончить и забыть произошедшее. Привлекая к мужскому телу фактически вплотную.

– А ведь это был твой шанс, – хрипло выдыхает Кай.

Если и был, то сейчас не остаётся. Едва ли я способна избавиться от того капкана, в который он заключает меня, впечатывая спиной в железо. Позади – машина. Впереди – жалкая толика воздуха, отделяющая меня от него. Ничего больше нет между нами. Мы опасно близко. Друг к другу. И к той грани, где не существует никаких запретов и условностей. Я вновь чувствую его дыхание на своих губах. В горле пересыхает в считанные секунды.

– Шанс?

– Да. Шанс. Избавиться от меня.

Слова совсем не задерживаются в моей памяти. Вся моя реальность – напряжение, что пронизывает и бьёт наотмашь по нервным окончаниям. Я рвано хватаю ртом воздух. Этот вдох застревает в груди, словно раскалённую кувалду вгоняют. Мне почти больно физически. Удары сердца разгоняются на предельной скорости. Пульс стучит в висках бешеным

набатом. Всему виной – его взгляд, направленный на меня сверху-вниз: тёмный и порочный, будто одержимый. Не помню, чтобы прежде он смотрел на меня подобным образом. А может только теперь замечаю по-настоящему. Всё то, что и самой отчаянно хочется. Кай упирается кулаком в бездушный металл чуть выше и правее моей головы. Сжимает и давит на поверхность с такой силой, что вены проступают.

Всего секунда...

Набрасывается, будто хищный зверь, взбесившийся от желания сожрать свою жертву. Отбирает остатки моего кислорода. Пьёт голодно, глубоко и жадно. Не поцелуй. Если можно кого-то трахнуть вот так, именно это со мной происходит сейчас. До головокружения. До чёрных точек перед глазами. Когда весь мир стирается и исчезает. Пьянеешь. Тонешь. Гибнешь. И возрождаешься. Одержимая той же животной потребностью. Больше не принадлежишь себе, не отвечаешь за себя, не владеешь собой и не помнишь ничего, кроме того, как остро и горячо чувствуется каждое новое прикосновение. Его пальцы бесстыдно блуждают по моему телу, забираются под футболку, нетерпеливо отгибают верхний край лифа, обхватывают и высвобождают грудь, стремительно срывают застёжку на моих шортах, ныряют глубже, проникают под кружево нижней части белья, умещаются аккуратно между моих подгибающихся ног, изучают, массируют, ласкают, искушают и вынуждают тянуться навстречу. Я прогибаюсь в спине, хочу быть к нему ещё ближе. Пусть не оста-

навливается. Пусть окончательно сведёт с ума. Там, где он дотрагивается до меня снизу – становится чертовски мокро и влажно, с каждым уходящим мгновением всё сильнее и сильнее. В любой другой ситуации мне обязательно должно бы стать стыдно за такое стремительное распутство. Но не с ним. Не сейчас. Не тогда, когда во мне существует лишь неутолимая жажда заполучить больше и ещё ярче, как можно скорей. Я сама же откровенно трусь об него, раскачиваясь бёдрами вперёд-назад в инстинктивном ритме, позволяя его пальцам снова и снова скользить между моих бёдер, дарить это греховное наслаждение и топить меня в нём.

– Пожалуйста, Кай...

Не знаю, о чём прошу. Впиваюсь ногтями в широкие твёрдые плечи, извиваюсь под его умелым напором. Словно ему известны все точки на моём теле, которые стоит задеть, чтобы распалить меня до невероятных пределов. Да, он знает. Задевает. А я сдаюсь. Запрокидываю голову и кусаю губы, сдерживая невольно рвущийся наружу стон. Первый. Но не второй. Он проглатывает его вместе с новым безудержным поцелуем. И тихо ругается, когда меня захлёстывает безжалостная волна удовольствия, зарождающаяся внизу живота, разливающаяся жаркой дрожью до самых кончиков пальцев. Мои внутренние мышцы сокращаются с такой интенсивностью, как если у меня начинаются судороги. До того сладкие и ошеломляющие, что я не сдерживаю ещё один стон – особенно громкий. Хотя вряд ли в данный момент слышу себя

в достаточной степени. Оргазм оглушает. Слепляет. Погружает в блаженную темноту, вышвыривает в какую-то совершенно иную реальность. Больше ничего не чувствую, кроме этой эйфории. Колени подкашиваются. Но я не падаю. Меня удерживает Кай.

– Ты такая податливая и отзывчивая, как... – шепчет он.

Резко обрывает себя. И снова ругается. Утыкается лбом в ту часть машины, где ещё совсем недавно был его кулак. Шумно выдыхает сквозь зубы. Прикрывает глаза. Замечаю, как дёргается его кадык, хотя мужчина вовсе не шевелится. Я тоже замираю. Пытаюсь собрать себя воедино и окончательно вернуться на бrenную землю. Напряжения в нём читается ничуть не меньше, чем возбуждения. Мужской стояк, упирающийся мне в живот сквозь штаны, будто каменный. Рубашка на широких плечах натягивается до такой степени, ещё немного и разъедется по швам. Он втягивает в себя воздух, как если задыхается. Урывками. По чуть-чуть. Словно учится заново дышать.

– Единственная и любимая доченька, которую так рьяно опекают, чтобы продать подороже, – произносит также тихо и с затаённой угрозой, а я вздрагиваю от удара по железу. – Ну, конечно, ни один, блядь, грёбаный мудака не притрагивался к тебе, и ты, мать твою, реально ещё девочка...

Девственница.

Не девочка.

Вот что Кай в самом деле имеет в виду.

И он прав.

Всё-таки, пока осваиваешь экстерном то, на что у остальных уходит куда больше времени, дополнительных часов для личных развлечений не остаётся.

Но!

– Из твоих уст, звучит, как проблема, – произношу ответно, ощущая, как моё пересохшее горло саднит.

Мне бы попить. Или хотя бы облизать истерзанные губы. Но я не смею. Его слова имеют гораздо больший вес, нежели я признаю вслух. Вынуждая чувствовать себя виноватой. В его состоянии.

– Проблема, – возвращает своё внимание ко мне Кай, ода-ривая пристальным и яростным взглядом, глаза в глаза, от-чего асфальт снова уходит из-под моих ног. – Да. Проблема. Из-за которой я не могу прямо сейчас вогнать в тебя свой член так глубоко и мощно, чтоб ты ничего кроме него не помнила, – болезненно морщится.

Отодвигается. Оставляя чувство полнейшего разочарова-ния. И я почти готова молить его об обратном. Несмотря на то, что мы находимся на улице, и в любой момент может кто-нибудь появиться, а я тут... последнее отрезвляет, как если на меня ведро ледяной водой выливают. Пальцы дрожат и плохо подчиняются, но я упорно поправляю на себе одежду, больше не глядя на мужчину.

Да и что на меня вообще нашло?

Бунт гормонов...

Да, однозначно и давно пора расстаться со своей скудной половой жизнью, внести в собственное времяпровождение побольше разнообразия с участием мужского пола. Всё-таки ничего хорошего – на малознакомых личностей посреди сомнительного переулка накидываться, как какая-нибудь нимфоманка, потёкшая, подобно конченной сучке, с первого же поцелуя.

– Я дал тебе слово, что ничего плохого с тобой не случится. Уходи, Эва, – добавляет Кай, словно ещё один гвоздь в гроб моего психоза вколачивает. – Садись в свою машину. Уезжай. Пока я ещё в состоянии держать своё слово. Прощай, хорошая девочка.

Он всё ещё близко. Несмотря на сказанное, не отходит настолько, чтобы я могла действительно свободно покинуть его и исполнить обозначенное. Приходится буквально съезжать спиной по железу в сторону, чтобы увеличить дистанцию между нами. Мои колени – совсем недавно едва прямые, почти не сгибаются, пока я наклоняюсь и подбираю оброненный ключ от машины, а затем, с некоторым усилием заставляю себя идти к ней, так и не обронив ни слова на прозвучавшее признание. Слишком много места занимает в моей голове разразившаяся война. Одна часть меня отчаянно желает вернуться, и не только к Каю, но и к той стадии, когда безразлично где, зачем и почему, только бы ещё хотя бы разочек почувствовать всё то, что недавно переживаю, даже если потом в самом деле будет больно. Другая часть призывает

сохранить жалкие остатки гордости и не падать ещё ниже, нежели уже случается, особенно если учесть, на кого именно позарилась моя падкая и столь легко искушённая душа.

В любом случае, да...

Прощай, хорошая девочка.

Ею мне уже не быть...

Глава 8

Эва

Возвращаюсь домой затемно. Перед глазами до сих пор стоит воспоминанием о том, как Кай садится в свою машину и уезжает, оставив после себя странно-горький привкус разочарования. Я тоже не стою на месте, наблюдаю за внедорожником сквозь зеркало заднего вида, пока сама, не особо разбирая дороги, двигаюсь в противоположном направлении. Некоторое время просто кружу по улочкам города. Без особой цели. Лишь бы прийти в себя.

Территория отчего дома встречает меня тишиной. Несмотря на то, что ещё с дороги замечаю, насколько там многолюдно. И нет, не гости тому виной. Наличие разгуливающих по периметру мужчин с суровыми физиономиями в чёрном обмундировании не внушает ничего хорошего. В самом доме, кроме Марии, нет никого.

– Что происходит? – спрашиваю, застав экономку на кухне, загружающей посудомойку.

Завидев меня, она оставляет все свои дела и бросается мне навстречу, крепко обнимая.

– Наконец-то ты вернулась! – причитает, шумно выдыхая

с заметным облегчением, и гладит меня по голове, как маленькую, а на её глазах проступают слёзы. – Успокоилась? Или всё ещё сердисься на нас? – отодвигается и вглядывается в моё лицо.

Выдавливаю из себя ласковую улыбку.

– Вернулась. Успокоилась. Немного всё ещё злюсь, да, – перечисляю по порядку ответы на то, о чём она говорит. – Папа где? Что-то случилось? – оглядываюсь в сторону окна, через которое виден один из замеченных мною ранее охранников.

В нашей семье имеется парочка водителей, садовник, несколько домработниц и три сторожа.

Но чтоб прям реальная охрана? Разве что в его офисе и на складах в доках, но там – оно понятно, а тут...

Что такое вдруг происходит, пока меня нет дома?!

– Твой отец уехал по делам. Не знаю, куда. Сказал, утром вернётся, – отзывается Мария. – А эти... – машет рукой в сторону того же окна, на которое я смотрю. – Тоже не знаю, дочка, – всплёскивает руками в негодовании и с заметной усталостью. – Пару часов назад появились. Твой отец так распорядился. Ещё четверых, кстати, отправили на поиски тебя, хорошо, что сама явилась, не то, не удивлюсь, против воли притащили бы. Кто ж меня спрашивать будет, зачем? Или докладывать... – криво усмехается и отворачивается, после чего принимается суетливо кружиться по кухне. – Ты голодная? Когда ела в последний раз? Знаю я эту твою Нину,

вечные диеты, скоро до анорексии себя, а заодно и тебя доведёт... – ворчит, припоминая мою подругу, торопливо выставляя тарелки.

Я же никак не комментирую. Молча делаю выводы.

Первое:

Что-то ужасно серьёзное совершенно точно случается. Отец редко не ночует дома, только если в самом деле возникает острая необходимость, терпеть не может всякие отели или дальние поездки, хоть сколькими удобствами они сопровождаются. Вероятно, усиление количества охраны вытекает отсюда же.

Второе:

Все думают, что я была у Нины. Нет, так оно и есть, по сути. Сначала. Не считая последние сутки, ага. Ночевать-то я в самом деле у неё собиралась, а не в непонятной компании, о чём вообще если и помнится, то весьма смутно. Никак. В голове остаются лишь утренние события. А то, где и с кем я существую в дневное время, когда вновь покидаю её квартиру... Ну, скажем, почти всё так, как и планировала, произошло. Тачка же отремонтирована в итоге.

Да, оправдалась, как смогла...

Перед самой собой.

Папа в эту версию вряд ли поверит.

Как и та же Мария.

Вот и буду молчать...

Меньше знают, спокойнее живут.

Жаль, этот же номер совсем не прокатывает с Ниной:

– Женщина, ты смерти моей хочешь?! – громогласно возмущается блондинка, едва я вспоминаю, что обещала ей позвонить, и наконец, выполняю обозначенное.

Сразу после того, как под пристальным надзором Марии покорно съедаю ужин и покидаю кухню, поднявшись в свою спальню, заперевшись там подальше от посторонних глаз и ушей.

– Гуляла по городу. Телефон был выключен, – виновато улыбаюсь, глядя в экран своего только включённого гаджета.

Нина одаривает меня ещё более возмущённым взглядом.

– Ну, знаешь ли! – округляет она глаза. – Я тут целый день места себе не нахожу, перед твоим отцом каждый час оправдываюсь, почему его дочь не хочет с ним разговаривать, а ты! – обвинительно тычет в меня указательным пальцем. – Гуляла она, видите ли... – фыркает небрежно, порывисто выдыхает и вместе с этим выпускает весь свой гнев. – Хорошо погуляла? – добавляет уже заинтересованно, с хитрым прищуром по новой разглядывая меня. – А ничего этот твой подстрельщ, очень даже симпатичный, хотя, как по мне, слегка отмороженный, – передёргивает плечами. – Но уж лучше отмороженный, чем беспардонный, как этот его нахальный дружок без тормозов... – ворчит в довершение с отчётливой досадой и едва уловимо морщится.

Где-то здесь настанет моя очередь округлять глаза.

– Нахальный дружок без тормозов? – цепляюсь за послед-

нее из услышанного.

Душу на кон готова поставить, речь об Айзеке!

И нет, не потому, что мне захотелось вдруг узнать что-нибудь о нём. Так ведь и не поинтересовалась, правда ли доставил подругу “в целости и сохранности”, как мне обещано Каем. С учётом, что именно из-за меня она в подобное влипает, грех не спросить.

– Ну этот, который здоровенный, безмозглый и хамит постоянно, словно его в детстве то ли высекли плохо, то ли наоборот, слишком старательно, все последние остатки мозгов отшибли, – показательно кривится Нина в своём пояснении. – Светлый такой. Качок. Размером со шкаф. И интеллектом, как у планктона, – добавляет и машет руками, обрисовывая ладонями в воздухе невидимый силуэт, предположительно того самого “светлого шкафа с интеллектом, как у планктона”.

Не настолько хорошо я знакома с отправленным в сопровождение для Нины другом Кая, чтоб сверить озвученную ей характеристику, но одно из обозначений точно совпадает.

– Айзек, – улыбаюсь виновато. – Его зовут Айзек.

Мне действительно очень жаль, если их случайное мимолётное знакомство выдаётся из разряда неприятных, тем более, что в этом есть доля и моей вины. Правда, всё своё сожаление по данному поводу я быстренько подзабываю. Сразу, как только слышу всё такое же недовольное, хмурое, но почему-то обречённое и чуточку смущённое:

– Да знаю я, как его зовут, – бурчит задумчиво Нина, отворачиваясь от меня, а её лицо заметно краснеет.

Замолкает. Что совсем на неё не похоже.

– Он что-то тебе сделал? – интересуюсь осторожно.

Почти снова чувствую себя виноватой. Ровно на мгновение.

– Да что он мне может сделать? – презрительно фыркает Нина. – Если только в его мечтах, – снова фыркает и показательно закатывает глаза.

– То есть, вы просто не поладили, и всё? – уточняю.

Девушка вновь презрительно фыркает.

– Как вообще можно поладить с безмозглым шкафом, который вместо того, чтобы пояснить кто он и зачем ко мне подкатывает, перекидывает через плечо и банально утаскивает из толпы в неизвестном направлении? – опять начинает злиться, взмахнув руками, как если с ней нечто подобное происходит прямо сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.